

Петр Немировский

ГЛАЗА СФИНКСА

Записки нью-йоркского нарколога

**Товарищам моим – белым и черным, американцам и эмигрантам:
из Латинской Америки, России, Украины; евреям, полякам, итальянцам,
выходцам с Карибских островов – наркологам, работающим во всех
наркологических лечебницах Нью-Йорка, в знак глубокого уважения к
их нечеловеческому труду посвящаю эту книгу.**

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Глаза Сфинкса» – заметки нарколога, много лет работающего в различных наркологических клиниках Нью-Йорка. Среди его пациентов – люди самых разных профессий, разного социального положения, разных национальностей, в том числе и русскоязычные иммигранты.

Автор ведет с читателем откровенный разговор о том, что такое наркомания, как эту болезнь лечат в США, и почему ее вообще трудно лечить. Автор развенчивает существующие о наркомании мифы, рассказывает о малоизвестных сторонах этой болезни, подобной молчаливому, жестокому сфинксу.

Книга «Глаза Сфинкса» будет интересна, в первую очередь, тем, кто лично столкнулся с этой бедой. И профессионалам, которые работают в этой области. Но книга представляет интерес и для самого широкого читателя. Она перекидывает мостик между профессиональными проблемами и проблемами общечеловеческими. В одном произведении автор мастерски синтезировал введение в наркологию и классический художественный роман.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

В «СТОЛИЦЕ МИРА»

ИНСТИТУТ НАРКОЛОГОВ

«Зачем Вам это надо?»

Секс-бомба Сильвия

Братья Питы

Рауль входит в образ

Встреча с прошлым

Загадка Кевина

Тугодумы

Отец Виктор: из наркоторговца в священники

ОКОНЧАНИЕ ШКОЛЫ. В МИР!

ДОРОГАЯ ТЕТУШКА

Часть вторая

ПЕРВАЯ РАБОТА: «ЧТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?»

ТАИНСТВЕННАЯ УЛЫБКА ЛИЗЫ

ТЮРЕМНЫЙ ЭСКУЛАП АРКАДИЙ

ВETERAN ШЕЛЛИ: ВОЙНА, КОТОРАЯ ВСЕГДА С ТОБОЙ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. НЕ ВЕРЮ!

ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Часть третья

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Очаровательная Рима

По самому краешку

Героиня с пистолетом

ДРАМА В...СОРТИРЕ

ПОДПОЛЬНЫЙ ГОРОД

«ОЧНИСЬ, БРАТ!»

РОДИТЕЛИ. СУРОВАЯ ЛЮБОВЬ

Дрянная вализа

Русские «идишие мамэ»

ДОКТОР, ВЫЛЕЧИСЬ САМ

Часть четвертая

Я ЧИСТЫЙ!

РАСИЗМ И ЛЮБОВЬ

Дети гетто

Бычьи хвосты Майка

Стюардесса Эмми

О ДОБЛЕСТИ, О ПОДВИГАХ, О... СПИДе

Спидоносец Володя

Романсеро Хуана

БЕГУЩИЕ ПО ЛЕЗВИЮ

Крутые парни

Убийцы

Полицейский жетон

СУИЦИД. ПЕРЕДОЗ

«Дайте мне бритву!»

«Увидимся через месяц»

Конвейер смерти

Патриарх Джон

Послесловие

Словарь русского наркомана в Америке

Типы наркологических лечебниц в США

Комментарии автора

В целях защиты конфиденциальности, имена всех пациентов и медперсонала, а также названия клиник и их расположение – изменены.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В «СТОЛИЦЕ МИРА»

В Америку я приехал по гринкарте. Выиграл в лотерею. Без взяток и фиктивных браков. Бывает и такое. Выиграв гринкарту, посчитал, что это своего рода знак Божий. Уехал, почти не раздумывая.

В России моя жизнь как-то не складывалась: я поступил в институт, на факультет бизнеса и менеджмента, но, влюбившись, бросил учёбу. Вместе с ней мы открыли магазин по продаже одежды «секонд хенд». Бизнес, однако, не пошел, а с той женщиной я расстался.

Потом я пробовал себя в агентстве по продаже недвижимости, в рекламном бюро, одно время работал таксистом. Все это не приносило ни денег, ни удовлетворения. Чтение романов было моим любимым занятием, но это – увы, не профессия.

Стоит ли говорить, с какой радостью и воодушевлением я упаковывал вещи, собираясь в Штаты. Не сомневался, что в Америке смогу быстро встать на ноги, ведь это страна неограниченных возможностей, и мои недостатки там, на другой земле, в суровых условиях, засохнут, как осенняя трава. Зато взойдут и пышно расцветут мои достоинства.

Что сказать?! Так устроен человек. Во всем винит других, среду, но только не себя! Надеется, что в иных условиях его жизнь коренным образом изменится, причем обязательно – к лучшему.

Очутившись в Нью-Йорке, я быстро понял, что условия условиям рознь. В моем случае, это был полный провал, крушение иллюзий. Мне некуда было податься – в чужой стране, практически без денег, без законченного высшего образования, со слабым английским. Меня не взяли даже грузчиком в русский гастроном на Брайтоне.

Я сидел в своей крохотной квартирке, в полуподвале, на окраине «столицы мира», раскачивался взад-вперед в полурассохшемся кресле-

качалке, подобранном на улице, и размышлял, что же мне делать. Можно было вернуться в Россию, снова пробовать что-то искать для себя там. Российская жизнь мне уже не казалась такой безнадежной и серой, каковой я считал ее прежде, до отъезда.

К счастью, я не обманывался на свой счет и знал: стоит мне очутиться «в свободном плавании», среди приятелей, тусовок, веселых компаний, как вся моя решимость улетучится, воля иссякнет, всё утонет в болтовне, пьянках, случайных знакомствах с женщинами.

Неужели мне никогда не найти своего призвания? Силы, ум, знания – пусть и не выдающиеся, у меня есть. Неужели никогда не найду им достойного применения? Словом, не зная, как поступить, я чувствовал себя жалким щенком, брошенным на темной улице в чужом городе.

Однако в душе крепло понимание – надо на что-то решиться. Что-то выбрать и хоть один раз довести дело до конца, каких бы усилий это ни стоило. Не поддаваться первому впечатлению. Вообще не обращать внимания на впечатления! Взвзвись за плуг, не озирайся! Рассуждать, правильно поступил или нет, – будешь потом.

Как хорошо, что никто меня тогда в Америке не знал, да и знать не хотел. Зато и мне было безразлично, как к моему выбору отнесутся другие.

В Нью-Йорке жил единственный человек, к кому я мог обратиться, – дальняя родственница моей матери. Однажды я позвонил ей, и мы встретились.

Местом встречи она почему-то выбрала бар. Примостившись за стойкой, я спросил ее совета: какую специальность выбрать? Угостив меня хорошим алкогольным коктейлем, родственница посоветовала:

– Стань наркологом! Лечи наркоманов и алкоголиков! – она подняла свой бокал, будто дело уже сделано и остается только за это выпить. – Я работаю наркологом десять лет. Это совсем несложно. Уверю, у тебя получится.

Я искоса посмотрел на нее. Г-мм... Эта милая женщина пьет второй

коктейль и советует мне лечить алкоголиков и наркоманов. Странно.

– Но у меня же нет специального образования. Я никогда не употреблял наркотики, только пил иногда...

– Послушай, в Америке, чтобы получить диплом нарколога, нужно учиться всего лишь год. Специального медицинского образования для этого не требуется. Зарплата у наркологов, правда, не шибко высокая, но на хлеб с маслом и красной икоркой хватит. А если тебе повезет устроиться в какой-нибудь госпиталь, то будешь жить, как у Христа за пазухой, – и она заказала еще один дринк.

Попрощавшись с родственницей, я задумался: может, действительно стать наркологом? Припомнил имена – Владимир Высоцкий, Джим Моррисон, Дженис Джоплин и другие звезды, погибшие от наркоты и алкоголя. Буду иметь дело с интересными, художественными натурами. С людьми, которых можно спасти...

Такая работа вполне соответствовала бы и моим убеждениям: я христианин, православный. Хотя в церковь хожу редко, но глубоко верю в христианские ценности добра и истины. Помогать тем, кто попал в беду, кто нуждается в помощи, – это нравственный долг христианина.

ИНСТИТУТ НАРКОЛОГОВ

«Зачем Вам это надо?»

Институт наркологов, куда я подал документы, находился на другом конце города, в Квинсе. (Впрочем «институт» это слишком громко сказано, скорее, заведение представляло собой что-то вроде профессионального училища.)

Это был район, где прилично одетому человеку и днем-то появляться нежелательно, а вечером – просто нельзя. Эстакады с грохочущими поездами; бакалейные лавки, возле которых торчат подозрительные личности

в серых куртках с капюшонами, надвинутыми на глаза; повсюду мусор, битые машины. И на одном из перекрестков – трехэтажное новенькое здание института наркологов! Моя новая альма-матер.

Заместитель директора по имени Тери, благовидная и, похоже, высокомерная белая американка, приняла у меня документы, задала парутройку вопросов. Затем сообщила о стоимости учебы и вручила буклет с расписанием занятий. Мы подписали контракт. На прощание, раздираемая любопытством, она не удержалась и спросила:

– Зачем вам это надо? Вы же интеллигентный человек.

– Что вы имеете в виду? – не понял я.

– Ну, все это... Наркоманы, алкоголики... – она поморщилась.

– Они больны, и я их буду лечить, – твердо ответил я, недоумевая, почему замдиректора задает мне такие дурацкие вопросы, да еще и корчит брезгливую мину.

– Понимаю, понимаю, – она задумчиво и, как мне показалось, с некоторым сожалением посмотрела на меня. Мол, чудак, – не ведает, на что себя обрекает.

Чтобы сводить концы с концами, в свободное от учебы время я работал в супермаркете, неподалеку от своего дома. Чудом устроился туда помощником менеджера – раскладывал товары по полкам. И вскоре, получив водительские права, три ночные смены в неделю крутил баранку такси.

Итак, ИНСТИТУТ.

Впервые переступив порог аудитории, я был не на шутку озадачен, поскольку ожидал увидеть за партами людей с задумчивыми, просветленными лицами, которых, как и меня, привели сюда благородные порывы творить добро и спасти погибающих.

«У-у!.. А-а!..» – гремело в аудитории.

Лекцию читал какой-то флегматичный преподаватель. В отличие от него студенты были веселы и темпераментны, постоянно отпускали шуточки, и аудитория взрывалась ураганным хохотом. Мой английский был тогда

слишком слаб, тем более, я совершенно не владел наркоманским сленгом. Поэтому смысл большинства шуток до меня не доходил. Единственное, что я хорошо различал, это «fuck!» и «shit!» – два ругательства, звучавших в аудитории непрерывно. Даже когда молчали все, включая преподавателя, в моих ушах по-прежнему гремело: «fuck!» и «shit!»

Студенты: мужчины – бородатые, усатые, все в татуировках, с улыбками, похожими на хищный оскал; женщины – какие-то помятые, пожеванные. Их что, сегодня утром выпустили из тюрьмы?

Мне пришла в голову спасительная мысль: может, я по ошибке попал не в ту аудиторию! Дождусь окончания лекции и на перемене выясню, где мой класс, где те – благородные и утонченные.

Моя догадка насчет «выпустили из тюрьмы» была недалеко от истины. Но это выяснилось позже. Однако надежда, что я ошибся аудиторией, не оправдалась. Я попал по назначению: в тот класс и ту группу, где специальность нарколога получали «вчерашние» наркоманы.

Для них, правда, эта учеба была бесплатной – платило государство. В Трудовом законодательстве США наркоманы и алкоголики зачислены в категорию инвалидов, поэтому имеют право на бесплатное образование в профессиональных и даже высших учебных заведениях.

Да-да, очень гуманно. Один, значит, должен таскать ящики в супермаркете, водить по ночам такси и на всем экономить, чтобы оплатить свою учебу; другой – тот, кто годы кайфовал под наркотиками, – учится бесплатно. Гуманность наизнанку. Таково было мое первое умозаключение.

Но со временем я понял другое: проблема не в том, что государственные деньги якобы несправедливо распределяются. Беда в том, что не все из студентов заканчивают подобные школы и устраиваются работать наркологами. Многие из них учебу бросают и возвращаются в тот страшный, темный мир, откуда пришли.

В США, чтобы учиться за государственные гранты, наркоман или алкоголик должен быть чистым – не употреблять никакую дурманящую

дрянь, как минимум, три месяца.

Много это или мало? Смотря, как посмотреть. Три месяца чистоты – после, скажем, двадцати лет беспробудного пьянства или *торчания**, это, пожалуй, немного, совсем ничего. (*Все жаргонизмы и медицинские термины выделены курсивом. Их значение объясняется в конце книги. – прим. автора.)

С другой стороны, спросите любого наркомана, и он ответит, что оставаться «чистым» даже один день – это чудо!

После последнего укола героина еще неделю у него будут страшно болеть все суставы. Будет сильно тянуть спину, а в животе «летать бабочка» – так называется ощущение выворачиваемого наизнанку желудка.

Следующая дата в его «чистом» календаре – несколько недель неизбежных ночных кошмаров. Бесы ходят вокруг кровати, волокут крюками в темные глубокие ямы, в горячие озера, в смрад и огонь. Бесы.

А как признаться кому-то, что страшно одному ночью, в кровати, в пустой комнате? Ведь не ребенок, а взрослый мужчина, тридцати пяти или сорока лет. Усы, борода, наколки. И в тюрьме сидел, и такое в жизни повидал, что не приведи Господь: умирающих от передоза друзей, изнасилования, драки. А вот спать одному ночью в комнате страшно – душат кошмары.

Днем, сидя на скамеечке в каком-нибудь скверике, вспомнит вдруг этот грозный мужчина свою вчерашнюю бессонную ночь на мокрой от пота простыне. Подумает о ночи предстоящей и заплачет от отчаянья. А затем полезет в карман за мобильником, чтобы позвонить проклятому-распроклятому наркоторговцу.

И на этом его «чистый» календарь оборвется, толком не начавшись...

Секс-бомба Сильвия

Из всей студенческой группы (двадцать человек) только трое, включая меня, были не в реабилитации. Сначала расскажу о некоторых студентах – из

«бывших».

Начну с Сильвии, так как именно с ней в первый же день учебы я очутился за одной партой.

Американка итальянского происхождения, лет пятидесяти, смуглолицая, с роскошными черными волосами, большими глазами и выразительными статями. Она неплохо сохранилась для своих лет, – думал я. Но вскоре был удивлен, узнав, что ей не пятьдесят, а... тридцать девять!

У Сильвии оставался намек на былой шарм, такое слабенькое веяние прежней красоты. Не сомневаюсь, не прикоснись она двадцать лет назад к шприцу, обойди ее эта беда стороной, Сильвия и сегодня сводила бы с ума табуны сластолюбивых самцов. Но, увы, в жизни условного наклонения не бывает, нужно говорить о том, что имеем, а не о том, что было бы, если бы.

Сильвия все же старалась держать марку, изображая из себя этакую львицу. Одевалась провокационно: юбки короткие, блузки в обтяжку.

В первый же день занятий, на переменке, эта львица вышла на охоту, и, как оказалось, я был намечен в жертвы. Оставшись со мной в аудитории наедине, Сильвия принялась расспрашивать – кто я и откуда, рассказывала о себе, при этом томно вскидывая веки и наклоняясь ко мне так близко, что мы едва не касались лбами. Я и не заметил, как она завладела моей рукой, – то ли чтобы пожать ее, то ли чтобы прижать к своей груди. После второй переменки я уже знал, что Сильвия давно в разводе, снимает квартиру в частном доме в Бруклине, ее тринадцатилетняя дочь живет у матери в Нью-Джерси, и сегодня после занятий она совершенно свободна.

К такой скорости развития отношений я, честно говоря, не был готов. К тому же после занятий мне предстояло мчаться на другой конец города – расставлять товары по полкам в супермаркете, а в полночь меня ждала машина для ночной смены в такси.

Сильвии мои извинения показались неубедительными, особенно после того, как она узнала, что я холост. Еще несколько дней продолжала охоту: по любому поводу очень близко ко мне придвигалась, играла пуговичкой на

своей рубашке и недвусмысленно приглашала к себе в гости «на чай».

Помню, ее широко раскрытые от удивления глаза, когда, выполняя вместе с Сильвией первое учебное задание, мы о чем-то заспорили. В качестве доказательств, я начал ссылаться на Толстого, Драйзера, даже зачем-то приплел ООН. И чем больше я говорил, упоминая такие жуткие, далекие, как планеты, имена и названия, тем с большим ужасом смотрела на меня Сильвия. Наконец-то, прозрела! Поняла, кто рядом с ней сидит. Книжный червь из России! Но – принципиальный, с убеждениями.

Итак, прозрев, Сильвия решила исправить ошибку. Безотлагательно. Потратила целую неделю! Думала, что он прикидывается, хитрюга, только изображает из себя паиньку. А он в самом деле – лопух.

На следующий же день Сильвия мотыльком упорхнула на соседнюю парту, за которой одиноко сидел другой студент. (Правда, раньше я сравнивал ее со львицей, и это сравнение более точное.) Вскоре она ходила с тем парнем под руку.

Все студенты и преподаватели несколько месяцев наблюдали за развитием их нежного романа, как они давали друг дружке списывать на экзаменах, как на переменах ходили вместе в кафе, как после занятий она садилась в его машину, с эдаким шиком захлопывая дверцу. Они говорили о том, что, повстречав друг друга, безумно счастливы. Спасибо Богу, что свел их в этой аудитории!

Вместе они стали пропускать занятия. После одного такого, достаточно длительного пропуска, Сильвия, наконец, появилась: ее лицо было пергаментным, а глаза – мутными, с какой-то маслянистой поволокой.

Она едва находила в себе силы сидеть за партой. То и дело подпирала подбородок руками, наклонялась, чуть ли не ложилась на парту. Казалось, вот-вот развалится на части. Банально, но она была похожа... на смерть: с распущенными нечесаными черными волосами, гипсовым лицом, в несвежей кофточке. Тупо глядела на доску, где преподаватель что-то писал.

Только сегодня я могу представить, что она испытывала, бедная

Сильвия, у которой болели все суставы, мышцы выкручивало, а живот сжимало и распирало. Помимо школы, она еще посещала амбулаторную наркологическую клинику. Условием ее учебы была чистота от любых наркотиков. Значит, ей нужно было как-то выпутываться и в клинике тоже. А в школе прятать свои мутные, *обкумаренные* глаза от студентов и преподавателей, где все понимали – Сильвия сорвалась.

Стыдно-то как. Ведь все видят, что Сильвия – эта светская львица, секс-бомба, на самом деле – ни на что не годная, потная наркоманка. Еще и потянула за собой в яму бой-френда – тоже сорвался. И зачем она ему была нужна? Учился бы себе.

Школу она так и не закончила. Еще несколько раз срывалась, потом и вовсе перестала приходить на занятия. И государственные деньги – тысячи долларов, выделенные на ее учебу, ушли в никуда.

Заканчивая о Сильвии, не могу не рассказать об одном эпизоде, тогда меня сильно озадачившем.

Однажды во время занятий Сильвия подняла руку, чтобы ответить на какой-то вопрос преподавателя. И неожиданно, совсем не по теме урока, начала откровенничать.

– Меня совратил мой отчим, когда мне было тринадцать лет. С тех пор я никогда не могла иметь нормальных отношений с мужчинами, всю жизнь жила с этим позором. В семнадцать лет я начала вести беспорядочную половую жизнь. Я никогда не чувствовала себя нормальной женщиной, стыдилась себя. Я ненавидела мужчин, боялась их. Мечтала встретить идеального мужчину и быть ему верной подругой, но жила как проститутка! Потом в моей жизни появился героин...

Я был в шоке. Не представлял, что такое возможно: молодая женщина – перед малознакомыми людьми рассказывает о том, что не всегда говорят даже родным и близким! Она заплакала и едва ли не перешла на крик.

Поразила меня и реакция студентов. Некоторые слушали ее внимательно, понимающе кивая головами. Другие – вполуха, третьи,

воспользовавшись паузой в лекции, украдкой достали свои айфоны.

Слушая признания Сильвии, я испытывал к ней жалость и одновременно какую-то неприязнь. При всей правдивости ее истории (в том, что она говорила правду, сомнений у меня как раз не возникало), было что-то ненужное, даже неискреннее в ее откровении НА МИРУ. Кто ее тянул за язык? Еще и в присутствии своего бой-френда?

В недалеком будущем мне как наркологу предстояло выслушивать подобные излияния совращенных женщин (и мужчин, кстати, тоже). Но тогда это вызвало удивление, недоумение.

Сегодня, вспоминая Сильвию, я думаю о том, что ее срывы были не случайны, как не было случайным и ее «выступление» перед группой. Она состояла как бы из двух половинок: Сильвии-наркоманки, которая «жила как проститутка», и Сильвии – совращенной девочки. Ничего другого о себе она не знала. Каждый раз, пытаясь расстаться с наркотиками, она встречалась с той опозоренной, совращенной девочкой, которую ненавидела в себе всей душой.

Что означала ее прилюдная исповедь? Было ли это своего рода шоу, попыткой привлечь к себе внимание? Или же криком отчаянья перед новым срывом?

Она оставила институт, больше я никогда ее не встречал. Но Сильвии, с похожими историями, повадками и судьбой, каждый день переступают порог наркологических лечебниц Америки, впрочем, как и любой другой страны.

О женщинах-наркоманках я расскажу отдельно, в свое время.

Братья Питы

Свято место пусто не бывает. Стоило Сильвии меня покинуть, как рядом со мной за парту уселся мужчина по имени Питер. Тезка. Ирландские корни. На вид – лет сорок пять, хотя в действительности, как потом выяснилось, – тридцать восемь.

Коль скоро уже второй раз упоминается несоответствие между внешностью и возрастом, скажу: все наркоманы, без исключения, выглядят гораздо старше своих лет. В их мире бытует мнение, что героинщики выглядят моложе своих лет, якобы героин каким-то образом «замораживает» внешний процесс старения. Это очередной миф: пятидесятилетний мужчина-героинщик, если дожил до этого возраста, похож на глубокого старика.

Мне было сложно поверить, что почти все студенты в группе – мои сверстники. От них веяло старостью, ветхостью, болезнями.

Последнее было правдой: многие из них страдали серьезными хроническими заболеваниями: гипертонией, диабетом, астмой. К тому же большинство из них были «чистыми» от наркотиков/алкоголя только три-четыре месяца. Из их пор алкогольные и наркотические пары еще не выветрились...

Итак, Питер: хорошее телосложение, правильные, хотя и грубоватые черты лица, короткие светло-русые волосы, зачесанные набок. Рыжеватая порось-щетинка вокруг рта и на подбородке придавала облику Питера некую аристократичность. Он широко улыбался, показывая желтые неровные зубы. Скорее, не улыбался – щерился.

В то время, по его словам, он разводился с женой. Работал в какой-то лечебнице помощником нарколога.

Питер сразу же взял надо мной опеку, быстро раскусив, кто перед ним: наивный парнишка из России. Но – «с соображением», может учиться.

Вскоре он мне признался, что когда-то курил очень много *травы*, поэтому у него теперь проблемы с памятью. Не знаю, от травы или от чего-то другого, но Питер действительно не мог запомнить многих специальных названий и терминов, которые мы, студенты, обязаны были знать. Так что, взяв шефство над своим, как он меня называл, «русским братом», он сделал правильный ход: на экзаменах я помогал ему и подсказывал, как мог.

Зато Питер – салют ему, салют! – был знатоком иных слов и терминов, которые не употреблялись в экзаменационных вопросах, но очень часто

вылетали из уст студентов, да и преподавателей тоже: *dope, coke, weed, booze* (героин, кокаин, марихуана, алкоголь) и прочая, прочая. Богатейший словарь американского наркомана открывал передо мной свои первые страницы, где были рассыпаны бесценные сокровища.

– А что такое *гера*? – спрашивал я Питера, услышав новое слово.

Он широко улыбался, в разные стороны разъезжалась его рыжеватая щетинка. Он смотрел на меня с такой любовью, с какой отец смотрит на первые шаги своего годовалого сына.

– Гера – это героин, мой друг. Такой, знаешь, серенький порошок в маленьком целлофановом пакетике.

– А-а... А что такое *кок*?

– Это кокаин. Тоже порошок, но беленький. Обязательно запомни, мой русский брат: героин обычно колют, кокаин нюхают, – Питер загадочно проводил толстым указательным пальцем под носом, отчего его крупный носяра перекашивало на одну сторону. – Запомнил? Не перепутаешь?

Слышалась в его голосе и добродушная ирония: в самом деле, ему приходилось рассказывать мне о таких вещах – трубках для курения крэка, шприцах, таблетках – о чем сегодня знают даже школьники. Как настоящий учитель, Питер был терпелив: по несколько раз показывал, как втягивают в ноздрю воображаемый кокс, скручивают сигарету с травой, *готовят и вмазывают* героин.

Так мы помогали друг другу в учебе.

Питер любил шутить, часто смеялся. Он был балагуром, рубахой-парнем. Что называется, весь на ладони.

Но иногда я замечал – в его глазах поселяется какая-то глубокая печаль, грусть такая пронзительная, что было больно смотреть на него, скрывающего что-то глубоко в своем сердце...

В группе нас называли «братья Питы». Мы вместе ходили во время ланча в кафе или китайский буфет. Порой я жаловался ему, что в этой науке мне многое, едва ли не все, непонятно, что, наверное, зря я полез в эту

область, сел не в свои сани. Меня начала точить ностальгия. Все чаще я вспоминал дом в России, своих родителей, сад, речку, где, будучи пацаном, купался и ловил рыбу с друзьями. Я чувствовал себя чужаком среди этих людей – грубых, шумных, постоянно хохочущих над непонятными для меня шутками. Они смотрели на меня как на явление диковинное, заморское, случайными ветрами принесенное в их мир...

С первых же дней между мной и Питером возникло взаимопонимание. По крайней мере, так мне казалось.

Как-то раз, во время нашего разговора, я заметил, что с Питом что-то неладное. Он вроде бы идет рядом, отзывается на мои реплики, но меня не слышит. Мы шли в буфет, и он почему-то постоянно отставал. Я обернулся... Это был не Питер! Не балагур и не хохмач. Изможденный старик с бледным лицом, еле плелся, его била дрожь: дрожали плечи, тряслась голова на напряженной шее.

– Что с тобой? Ты в порядке? – встревожено спросил я.

– Да, все о`кей. Просто не спал всю ночь, было много работы... – пробормотал он, отводя глаза в сторону.

Недавно я уже видел «больную» Сильвию и теперь догадывался, чем вызвано такое состояние Пита. Ломки! Значит, так выглядит человек во время наркотических ломок.

Кое-как Питер окончил институт и получил диплом. При всей своей душевной широте и открытости, он так и не впустил меня в свою личную жизнь. Говорил полунамеками о сложном, мучительном для него бракоразводном процессе, о каких-то потерянных надеждах...

После института мы некоторое время перезванивались, но все реже и реже. Говорить нам стало как-то не о чем. Учеба закончилась, взаимная помощь уже была не нужна, а симпатия оказалась слишком поверхностной, чтобы перерасти в дружбу. Вскоре Пит вообще перестал отвечать на мои звонки.

...Мы встретились снова, через несколько лет после выпуска. Я работал

в амбулаторной наркологической клинике, а он пришел туда – как пациент. Из документов, которые Пит мне вручил, следовало, что он отсидел в тюрьме полгода – за избиение своей бывшей жены. Избиение случилось два года назад, но по разным причинам приговор откладывался, и лишь в этом году судебная волокита завершилась. Он был осужден на полгода тюрьмы и, отсидев срок, сегодня освобожден.

Следующая бумага мне дала ответ на причину его тяжелой грусти, которую я нередко замечал в его глазах. Пит был болен СПИДом...

Все остальное он сообщил мне на словах: в тюрьме на выходе он получил направление в эту наркологическую клинику. Жить ему негде. И денег у него нет.

Внешне он был такой же: густые русые волосы, щетинка вокруг рта, правда, погуще, чем прежде, и уже не придававшая своему хозяину никакой аристократичности. Он так же широко улыбался и смотрел на меня ясными, чуточку озорными глазами.

Он сразу почувствовал, что я уже не новичок, которого нужно учить, что героин колют, а кокаин нюхают. Он видел, что его «русский брат» уже с головой окунулся в этот страшный мир отчаянных и отверженных. Я его не осуждал, не корил. Но и не жалел.

– Пит! Мой русский брат! – воскликнул он, не выказав никакого удивления от этой неожиданной встречи.

Я не уловил в его лице и тени зависти или стыда. Ведь, по сути, кто он теперь? – наркоман, освобожденный из тюрьмы. Больной СПИДом. Бомж.

Впрочем, я уже знал, что наркоманы свой стыд проявляют не так, как «обычные» люди. Невозможно представить, на какой отчаянный поступок их порой толкает именно стыд.

Мы обнялись, похлопав друг друга по плечам, отдавая дань традиции многих наркологических клиник в Нью-Йорке, где между наркологами и пациентами царит этакая панибратская атмосфера.

– Вот так, встретились...

Мы коротко вспомнили студенческие деньки, учебу.

– Я еще не все потерял в жизни! Еще не полностью проигрался! – говорил он, когда я оформлял ему бумаги для приема. – У меня остались две самые главные вещи в жизни, – он вытянул вперед руку с растопыренными пальцами. – Во-первых, у меня есть жизнь, – решительно загнул один палец. – Во-вторых, у меня есть Бог, – загнул второй. Затем сжал кулак и потряс им над головой так, словно только что одержал важную победу. – Жизнь и Бог! Понимаешь?!

Я одобрительно кивал, поражаясь его стойкости. «Молодчина мужик! Все потерял, всего лишился, но сохранил веру. Не озлобился, не пал духом».

Широко улыбнувшись (улыбка его после тюрьмы еще больше стала напоминать волчий оскал), Питер вдруг полез в свой рюкзак и, порывшись там, вытащил фотографию: мы с ним вдвоем, в институте, на выпускной церемонии. Стоим, обнявшись, с дипломами в руках.

– Ва-ау! Братья Питы! – воскликнул я. У меня такой фотографии не было. – Дай мне этот снимок, я сделаю себе копию и потом тебе верну.

– Конечно, бери.

Я не расспрашивал его ни о его СПИДе, ни о бывшей жене, ни о тюрьме. Слишком много для первого раза. Да и куда спешить, впереди еще – столько времени, – думал я.

В холле ждали вызова другие пациенты. Директор с недовольной миной уже заглянул в мой кабинет, мол, почему так долго оформляешь прием?

Я дал Питеру список мест в районе, где была бесплатная кормежка для нищих и бездомных. Позвонил в дом трезвости и договорился, чтобы ему там предоставили место.

– Это на первых порах. Потом подашь заявление на пособие и льготную квартиру, ведь у тебя СПИД... Со временем устроишься наркологом в какую-нибудь клинику, у тебя же есть диплом и опыт работы. Постепенно все наладится.

Он кивал, сжимая кулак в знак решимости бороться и победить. И не сводил с меня улыбочивых, но несколько напряженных глаз, словно ожидая чего-то.

Я бросил взгляд на закрытую дверь. Полез в карман, вытащил оттуда две смятые двадцатки.

– На, бери. Отдашь, когда сможешь.

– Сорок баксов, – взяв деньги, Пит облегченно вздохнул. Затем задумчиво наморщил лоб.

Он, конечно, знал, что наркологам, как и всем сотрудникам любой наркологической клиники, включая секретарш и уборщиков, строгойше запрещено давать пациентам какие-либо деньги. Пит бы понял, если бы я не дал ему ни цента. Ему терять нечего, а у меня могут возникнуть неприятности на работе. Потому что с пациентом-наркоманом, каким бы распрекрасным и честным он ни казался, всегда рискованно переступить границы профессиональных отношений и переходить в область «чисто человеческих». Особенно, когда речь идет о деньгах.

Думаю, он все-таки ожидал от меня такого поступка – благородного, но совершенно непрофессионального. У него не было ни цента. Только карточка на проезд в метро. И жизнь. И Бог.

Он спрятал доллары в карман. На нем были стоптанные кроссовки, потертые джинсы и ношенный свитер.

Мы снова обнялись, попрощавшись до следующего утра. Но Питер не появился ни на следующее утро, ни через неделю. В том доме трезвости, где я насчет него договорился, его так и не дождались. Никаких способов узнать, что с ним и где он, у меня не было.

Осталась только фотография, где мы с ним вдвоем, – студенты-дипломанты.

Что с ним случилось? Почему он исчез? Правильно ли я сделал, дав такому хроннику, истосковавшемуся в тюрьме по наркотикам, сорок долларов? Это же четыре пакетика героина или кокаина! *«Кокс нюхают, геру колют.*

Смотри, не перепутай, мой русский брат...»

Купил ли он себе на эти деньги хот-дог и кроссовки или же проклятые пакеты? Снова *заторчал*, может, опять попал в тюрьму? Добро или зло? Плохо или хорошо? Когда имеешь дело с наркоманом, то наши обычные понятия вывернуты наизнанку. Вокруг одни фантомы, призраки, подобия истины...

Не знаю никаких подробностей о его страшной болезни и его уголовном деле. Не бывшая ли жена его заразила?..

А, может, он больше никогда появился в этой клинике потому, что ему было стыдно передо мной?

Что с ним теперь? Где он? Помогай ему Бог!..

Рауль входит в образ

Не могу не рассказать вкратце о Рауле – пуэрториканце с огромным животом и наколками на толстой шее и идеально круглой, идеально выбритой голове. Рауль был душой группы, самым веселым и колоритным студентом.

Он был прирожденный лидер, такие всегда находятся в центре внимания, любят, когда им поклоняются, но при этом имеют свое «я», а не только угождают публике. Для таких людей, как Рауль, очень важен вопрос выбора, по какому пути они идут? По какую сторону решетки находятся? Такие, выбрав путь криминальный, причиняют много горя окружающим, преступления их тяжки и жестоки. Но если в их душе происходит переворот и светлое начало берет верх, то вчерашний заматерелый преступник превращается в борца за законность и справедливость.

В то время, обучаясь в школе наркологов, Рауль уже направил свою жизнь «в правильное русло»: работал в реабилитационной клинике.

Рауль предложил создать фонд – для тех студентов, у кого не было денег на еду, одежду и мелкие бытовые нужды: некоторые из них еще обитали в домах трезвости и приютах. Студенты с этим предложением

согласились.

Кто сколько мог, жертвовали в тот фонд. Кассу держал Виктор – студент-священник. Если кому-то из студентов не хватало денег на жизнь, обращались к Виктору и брали в долг с условием вернуть в будущем, по возможности.

К сожалению, фонд просуществовал недолго. Кто-то из студентов пожаловался в администрацию, попросту говоря, настучал, что деньги из фонда якобы берутся на наркотики. Неизвестно, было ли то правдой или нет, но Рауля и Виктора вызвали к директору и попросили, во избежание ненужных недоразумений, фонд закрыть. И филантропическое движение на этом прекратилось.

Рауль был толковым парнем, хорошо соображал и относительно легко тянул учебную программу. Имел и несомненные актерские задатки. На занятиях нам часто давали игровые задания с различными ролями, и Рауль здорово импровизировал, входя в образ то прокурора, то тюремного надзирателя, то подростка из молодежной банды. Понятно, материал для реприз брал не из фильмов и книг, а из самой матушки-жизни.

Перед тем, как начать выступление, он, по его словам, должен был «войти в образ». Садился за парту. Не обращая ни на кого внимания, закатывал к потолку большие, как утиные яйца, глаза и надолго замирал, водрузив руки на живот.

А когда исполнял какую-то роль, весь класс дико, до коликов, хохотал. И преподаватели тоже. Закончив сценку, Рауль и сам покатывался со смеху.

Меня он, не без легкой иронии, называл: «мой трезвый друг», что в той среде звучало несколько обидно.

– Я вас, русских, хорошо знаю! С-сука! – в подтверждение своих слов Рауль произносил ругательство, почему-то самое распространенное в Штатах среди других русских ругательств. – Русские – образованная нация. Помню, в тюрьме они читали журналы и книги в то время, когда другие заключенные качали бицепсы в спортзале. Вы, русские, дружны между собой: ваши зэки

«подогревали» друг друга деньгами, делились наркотой. Но вы высокомерны, упрямы и всегда себе на уме, – утверждал Рауль, с хитроватым прищуром глядя на меня.

Я возражал. Мы высокомерны? Скорее, нетерпимы к чужому мнению. Дружны между собой? Ха! Да мы пожираем один другого, как пауки в банке! А то, что мы, сука, упрямы, – да, это правда...

В день выпуска, на церемонию вручения дипломов, пришла его жена, тоже пуэрториканка, броско одетая и хорошо сохранившаяся – при таком-то муже и семерых детях! Привела с собой всех семерых. Младшенькие ползали, как котятка, по широким плечам Рауля, и он ласково снимал их, взяв «за шкуру».

Его жена, попросив слова, произнесла пылкую речь:

– Вас ждут на улице! Там... – она указала рукой в окно.

Там, на холодной нью-йоркской улице, перед бакалейными лавками топтались молодые афроамериканцы и латиноамериканцы, исподлобья глядя на прохожих и повторяя, как мантру: «Weed-weed... Dope-dope... Соке-соке...»; с потерянными видами бродили какие-то истощавшие типы, на скамейках лежали пьяные бомжи. И мимо этого убожества и запустения проезжала дорогая машина, в которой, вальяжно развалившись, сидели наркоторговцы в кожаных куртках, обвешанные золотыми цепями...

– Вы нужны там! Вас там ждут! Вы сами знаете, как вы там нужны! – восклицала жена Рауля, указывая в окно. Слезы блестели у нее на глазах.

Все присутствовавшие в аудитории студенты посерьезнели, улыбки сползли с их лиц. Быть может, впервые за много лет они ощутили себя не изгоями общества, не ворами и проститутками. Даже не студентами. А миссионерами, которым скоро предстояло выполнять необычайно трудную и часто неблагодарную миссию...

Встреча с прошлым

В школе нам рассказывали о так называемых «взрослых детях алкоголиков», то есть про тех, кто вырос в семьях, где злоупотребляли алкоголем или наркотиками. Такие люди часто испытывают сложности в жизни именно из-за того, что суровое детство тянет их назад.

Меня эта тема сразу заинтересовала. Узнав про «взрослых детей алкоголиков», я купил книги по этой тематике. Читал их с не меньшим интересом, чем романы любимых писателей. Все сходится, один в один, все – обо мне!

Дело в том, что мой отец когда-то сильно пил. Отец работал слесарем на военном заводе, где пили многие рабочие. В нашем доме большинство соседей работали на том же заводе, что и отец.

Отец часто приходил домой пьяным, иногда приводил своих коллег с завода; они сидели в кухне, пили и болтали о работе.

Я был тогда еще ребенком, помню, как я и мама каждый день с тревогой смотрели на часы. Мы знали: если отец не пришел с работы в пять часов вечера, значит, сегодня он опять где-то пьет.

Дома он устраивал скандалы, однажды при мне поднял руку на маму. Я и сегодня, спустя столько лет, вижу эту ужасную картину: отец схватил маму за плечо и швырнул ее головой вперед так, что она едва не упала. С этого дня я стал его бояться. И ненавидеть. Даже любя – все равно ненавидел.

В школу я иногда приходил в синяках под глазами. Врал учителям и друзьям, что якобы упал. Мне было стыдно, казалось, что весь мир все равно знает правду. На родительские собрания в школу отец тоже приходил пьяным. В те годы у нас, в России, на пьянство родителей смотрели сквозь пальцы, тогда это было в порядке вещей.

От пьянства умирали его сослуживцы с завода, умирали соседи в нашем доме – крепкие мужики спивались невероятно быстро. Хорошо помню те гробы на стульях, выставленные для прощания во дворе перед домом, с погибшими от пьянства соседями.

Пьяный отец заставлял меня делать ненужные задания по математике и

русскому языку, оскорблял нас с мамой. Я задыхался от обиды и бессильной злобы.

При этом мой отец – очень мягкий человек, безумно предан семье.

К счастью, неподалеку от нас жил мой дед, я всегда мог пойти к нему и остаться там на ночь. Дед был светлым и мудрым. К нему за советом и поддержкой часто приходили родственники и соседи. Дед говорил мне, что отец меня любит, а пьет «по бестолковости и от скуки».

Отец не стал алкоголиком. Он не обращался к врачам по этому поводу, групп «Анонимные Алкоголики» тогда в России еще не было. Но со временем он стал пить гораздо меньше, и больше никогда не напивался.

Папа и сегодня жив и здоров, разменивает седьмой десяток. Может выпить пару рюмок водки по праздникам. Мы с ним очень близки. Порой, еще до моего отъезда в Штаты, мы вспоминали его коллег с завода, соседей, погибших от алкоголя. Но почему-то в наших разговорах мы оба обходили те долгие годы, омраченные его тяжелым пьянством.

Я тоже как будто «забыл» про те годы, считая, что они исчезли, изгладились в памяти так, будто этого никогда не было в моей жизни. Я не хотел это помнить.

И вдруг – очутившись в школе наркологов в Нью-Йорке, двадцать лет спустя, я встретился со своим прошлым. Оказалось, что тот мальчик, который каждый день смотрел на часы в надежде, что отец придет к пяти часам с работы трезвым и вечер пройдет спокойно, – тот мальчик жил во мне все эти годы и терпеливо ждал, когда я о нем вспомню.

Я узнал, что «взрослые дети алкоголиков» имеют болезненную восприимчивость к критике, взрывной характер, глубоко спрятанный гнев.

То, кем я был, кем стал, прошлое, настоящее и будущее становились мне понятней.

Быть может, не случайно судьба привела меня в школу наркологов?

Загадка Кевина

Кевин был загадкой. Понять его не мог никто. Он был воистину «книга за семью печатями» для нашей группы, где после откровений Сильвии о том, что ее когда-то совратил отчим, поток публичных признаний уже не прекращался вплоть до самого выпуска. Так, к окончанию, вся группа знала, кто из студентов был когда-то совращен, кто чем болен, кто и сколько сидел в тюрьме.

Со временем у меня появилась возможность глубже изучить природу этих публичных откровений.

Все наркоманы и алкоголики в США, когда-либо лечившиеся от этой болезни, сталкивались с психотерапией – групповой или индивидуальной, где открытое признание является одним из ключевых факторов лечения и едва ли не главным условием успеха. В наркологических клиниках врачи постоянно напоминают пациентам: «Не молчите! Не держите в себе никаких секретов! Не храните никаких тайн!»

Первые годы работы с наркоманами меня не покидало ощущение, что я имею дело не с живыми людьми, а с призраками. И вот почему.

Наркоманы очень любят тайны. Любят тень, полумрак. Они не снимают солнцезащитных очков даже зимним вечером. Надвигают на глаза козырьки бейсболок. Накрывают головы капюшонами в солнечную погоду. Носят темную одежду. Предпочитают машины с тонированными стеклами. Свет – их главный враг. Наркоманы – люди ночные, ноктюрновые, как ночные бабочки. Но на свет не летят, а удаляются от него, как от своего злейшего врага. Им нужно прятаться, даже если в этом нет необходимости, создавать из ничего тайны и уносить эти тайны в сумрак своей души, чтобы возвращать там чудовищ.

Но, к сожалению, прилюдные покаяния не являются гарантией успеха. Дело в том, что к подобным откровениям человек привыкает. Трудно совладать со стыдом и признаться в чем-то неприглядном в первый раз. Во второй. В третий – уже легче. В четвертый – начинает входить в привычку.

Пользы такие признания уже не приносят. Скорее, вред. Потому, что человек думает уже не столько о своей душевной боли, сколько о том, как бы поразить окружающих. Ведь это выглядит так эффектно, так щекочет нервы – встать перед всеми и брякнуть: «Из-за героина я изменяла мужу с известным спортсменом!» или: «Я продавал крэк, в меня трижды стреляли, но я чудом выжил». Во как!

К тому же наркоманы нередко кое-что в этих историях-откровениях приукрашивают, снабжают драматическими подробностями, чтобы звучало «художественно», как в романе или кино.

Что же касается Кевина, то он как раз держал язык за зубами с первого и до последнего дня. Отвечал только по делу, лаконично и без всякой театральщины.

Американец норвежского происхождения. Коротко подстрижен, всегда опрятен. Вежлив. Учеба давалась ему легко, во всяком случае, он с первого раза сдавал все экзамены, и я никогда не замечал, чтобы он пытался списывать. Сам он тоже списывать никому не давал, но на это в Америке, в отличие от России, не сердятся.

Всеобщее раздражение и едва ли не злость у группы вызывало его упорное нежелание ответить на вопрос: употреблял ли он наркотики? Вопрос этот Кевину задавали с первого и до последнего часа его пребывания в институте. Спрашивали его об этом сначала студенты, потом и некоторые преподаватели. Но Кевин загадочно молчал.

Отвечал ли он у доски, скажем, по фармакологии или какому-нибудь другому предмету, всегда кто-либо изыскивал возможность задать ему вопрос, к теме совершенно не относящийся: «Все-таки скажи: ты – из бывших? Ты торчал?»

Кевин пожимал плечами, на его лице изображалось сожаление.

– Не могу ответить. Извините, это мое личное дело, – произносил он, и все в аудитории устремляли на него гневные взгляды.

Экий тихоня! Притворщик! По нему же видно, что он – наш, *нарик*,

торчок. Или – алкаш, бухарик. Зачем же корчит из себя трезвенника? Чего стыдится? Здесь же все свои! Или он хочет быть выше нас? Но ведь он из такого же теста, как и мы, из такого же грязного, пропадающего мира, откуда и мы!

А вдруг – нет?..

Кевин работал в одном реабилитационном центре. По образованию был учителем, но пару лет назад почему-то, отказавшись от карьеры преподавателя, подался в наркологию. Начальство *рихэба* потребовало, чтобы Кевин получил диплом нарколога.

Не знаю, кому как, но мне он казался обычным молодым мужчиной, образованным, с хорошими манерами. Не столкнусь я с ним в этой школе, мне бы и в голову не пришло выпытывать у него, наркоман ли он.

Еще мне была совершенно непонятна та страсть, та настырность, с которой мои сокурсники пытались вывести Кевина на чистую воду, добиваясь от него ответа на такой, по сути дела, пустяковый вопрос.

О, мои поверхностные представления! Как мог я не понимать, что существуют два мира: мир наркоманов и мир, как сами наркоманы говорят, – нормальных людей. Кто разделил эти миры? Кто провел жирную черту, вернее, вырыл ров между ними? Сами ли наркоманы, однажды переступившие ту черту? Или мир нормальных людей изверг из себя этих больных, опасных, непонятных типов?

Со временем, присматриваясь и прислушиваясь к пациентам, я понял вот что:

Наркоманы – это своего рода братство, община, орден, куда принимают всех, в любом возрасте – румяных подростков и дряхлых стариков, мужчин и женщин, с высшим образованием и полных неучей. Там встречаются люди работающие, семейные. Люди добрые, мягкие, сентиментальные. А встречаются и настоящие звери.

Внутри этого братства, этого ордена нет взаимной любви. Там часто друг у друга воруют, там друг друга предают, убивают. Но, повторяю, любой,

перешагнув черту наркозависимости, хочет он того или нет, вступает в это братство. По какому-то особому нюху он распознает собрата по несчастью. Ему достаточно одного слова, интонации, едва заметного движения губ или брови собеседника, чтобы определить, – перед ним брат. Тот, кто поймет его, как никто другой на Земле.

Если ты наркоман/алкоголик, то пакет героина или бутылка водки на весах твоего больного сердца перевесят все на свете: и благополучие семьи, и карьеру, и собственное здоровье, и собственную жизнь. В этой точке пролегает черта, отделяющая наркомана от остального, «нормального» мира.

Мир «нормальных» наркоману враждебен. Наркоманов не любят. Их боятся. Им не верят. Их выгоняют из дому и увольняют с работы. У них отнимают детей. Их преследует полиция. Их сажают в тюрьмы, судьи стучат молотками, вынося им суровые приговоры.

Весь мир против них.

Поэтому вопрос к Кевину – наркоман ли он? – не такой уж праздный. Это вопрос самый что ни на есть первостепенный, ключевой, который следует понимать так: «Ты наш или их? Если «их», тогда тебе, мистер Кевин, наши официальные уважение и уважуха. Если же ты «наш», тогда ты наш брат».

В то время я еще не догадывался, сколько усилий, сколько профессионального мастерства и человеческого сострадания необходимо, чтобы войти в этот закрытый орден, в это страшное братство, куда принимают без всяких разговоров и условий только своих, будь они даже отпетыми негодьями. Но пришлых, из «нормального» мира, будь они даже ангельскими существами, впускают туда с большой осторожностью.

xxx

В их мире царят волчьи законы: каждый сам за себя, лишь бы выжить любой ценой. В то же время, вы не представляете, с каким милосердием

наркоманы относятся к собратьям по несчастью!

Сколько раз во время групповых сессий я наблюдал, как кто-то из пациентов начинал «каяться» в своих грехах. Часто подобное раскаяние случается после срыва, когда наркоман испытывает сильную моральную «ломку».

Сижу, слушаю эти признания: «обворовал, обманул, торговал, чтобы купить пакет...». И так мне хочется гневно, как судья, воскликнуть: «Значит, ты опять за старое! Как же ты посмел?!»

Зато пациенты – не судьи. Они понимают, что перед ними человек, которому сейчас невыразимо трудно. Этот человек чувствует себя отрезанным от мира людей, чувствует себя изгоем. Здесь, в клинике, для него, быть может, последний и единственный шанс поверить в то, что он еще не выброшен «за борт». Его здесь не осудят, но обнадежат.

Не побоюсь высокопарности: наркоманы и алкоголики умеют прощать и сострадать друг другу по самым высоким меркам гуманизма. Лично я этот момент – когда пациенты своим состраданием и милосердием возвращают к жизни безнадежного, уже во всем изверившегося наркомана, всегда воспринимаю как настоящее чудо. Подобное проявление гуманизма в действии, как в нарколечебницах, я редко встречал в каких-либо других местах.

Наркоманы – величайшие гуманисты? Это шутка, что ли?

Нет, это правда: никто так глубоко не может сострадать наркоману во время срыва, как другой наркоман¹.

Их можно было бы назвать святыми, если бы не одно «но»: они умеют глубоко сопереживать только своим, только таким же, как они сами. Зато для чужих – «нормальных людей», у наркоманов редко находится даже капля сочувствия.

Все же хоть и редко, но случается, что чутье даже пронизательного, многоопытного наркомана/алкоголика дает сбой. Иногда даже он ошибается. Или не может определить, кто перед ним – свой или чужой?

Так было и с Кевином. Его никто не мог раскусить. Он не отрезал себя от студенческой группы, но и не сливался с ней. Ни ваш, ни наш. Ни с нами, ни с ними. Ни свой, ни чужой. Понимай, как хочешь. А лучше – поменьше интересуйся другими, больше занимайся собой.

На церемонии вручения дипломов каждый из выпускников должен был произнести спич. Выступления Кевина ждали с особым интересом. Знали, конечно, что он немногословен. Но его меткие комментарии, колкие, порой язвительные шутки, неожиданные взрывы смеха выдавали в нем человека темпераментного, возможно, дерзкого, скрывающего под маской настоящее лицо. Надеялись, что он, наконец, откроется. Снимет маску.

Накануне церемонии ажиотаж вокруг Кевина возрос еще больше. Загадка сфинкса должна быть разгадана! На перекурах велись жаркие дебаты. Большинство все-таки склонялись к мнению, что Кевин – наш, из *торчков*. Правда, мнения разделились по другому важному вопросу: какой наркотик он употреблял? Одни считали, что он *торчал на героине*: «Так умело маскироваться может только опытный героинщик». Другие уверяли, что Кевин – из алкашей, что у него и образ мыслей, и даже походка алкоголика. Третьи возражали: «Нет же, Кевин – типичная «таблеточная голова», набитая транквилизаторами».

Кто же прав?

...Получив диплом, Кевин произнес короткую речь. Поблагодарил преподавателей. Пожелал удачи всем однокурсникам. Упомянул о проблемах, которые есть у каждого. И, ко всеобщему разочарованию, умолк.

– Ке-вин, Ке-вин... – кто-то из студентов, кажется, это был Рауль, стал вполголоса скандировать имя Кевина, ритмично ударяя ладонью по парте.

Его поддержали. Через минуту все студенты в аудитории требовательно стучали в такт ладонями по партам:

– Ке-вин! Ке-вин!

Он растерялся. Стал озиаться, словно в поисках пути к бегству.

– Ке-вин!! Ке-вин!!! – грохотала аудитория.

Кевин часто заморгал и, опустив голову, выдавил:

– Yes.

– Что же ты молчал все это время?! Зачем же так мучил себя и нас?!

Брат!..

Тугодумы

Учебная программа включала десять предметов. Изучение каждого предмета длилось около месяца, затем – экзамен, и новый предмет. Чтобы получить диплом, нужно было успешно сдать, как минимум, семь экзаменов из десяти. В кабинет директора всегда стояла очередь просителей, находившихся на грани вылета. Впрочем, не помню, чтобы кого-то отчислили по неуспеваемости, всех как-то тянули.

Но теория – всего лишь теория. В конце концов, в нашей школе готовили не будущих академиков. Здесь учились вчерашние воры, проститутки и наркоторговцы, страдающие наркозависимостью, и за их учебу платило государство, чтобы они смогли работать и помогать таким же, как они.

И тот, кто проваливал один экзамен за другим, путался, не зная, в каком из квадратиков экзаменационного листа поставить «крестик» в ответ на каверзный вопрос, возможно, вскоре станет отличным наркологом, с глубоким пониманием природы этой болезни.

Предметы были самые разные: психиатрия, фармакология, семейные отношения, трудовая этика – все в контексте наркомании и алкоголизма. То есть, наркозависимость рассматривалась под различными углами зрения, в разных аспектах.

Преподаватели в доступной форме объясняли теорию. Практически все

в их объяснениях для меня звучало ясно и убедительно. В отличие от большинства моих однокашников, которым теория в голову никак не шла: они без конца переспрашивали, и преподавателям приходилось разжевывать для них едва ли не каждое слово.

Я с некоторым высокомерием поглядывал на своих будущих коллег. Вот же тугодумы!

Но мое высокомерие всезнайки тут же улетучивалось, когда кто-нибудь из них, не выдержав условностей казенного книжного языка, переходил на язык нормальный – уличный, на котором говорят наркоманы и алкоголики между собой, или в участках полиции, или нарколечебницах. И тогда они обсуждали не придуманных книжных героев, а себя. Так, один возмущался, что жена ему по-прежнему не верит: «Стоит под дверью туалета и слушает, что я там делаю». Другая студентка жаловалась на своего бой-френда, который не разрешает ей ходить на группы «Анонимных Наркоманов», ревнует и подозревает, что она, бывшая проститутка, занимается там «старыми делами».

Короче, когда начинался разговор взаврадашний, не теоретический, я задумчиво смотрел в потолок, размышляя о том, что скоро получу диплом, и должен буду лечить тех, о ком не имею ни малейшего представления.

Отец Виктор: из наркоторговца в священники

В своем рассказе я уже упоминал Виктора – пуэрториканца шестидесяти лет с небольшим. Студенты называли его «падре», отцом. Виктор и в самом деле имел троих детей: двое из них были взрослыми и жили отдельно, а третий – подросток – с родителями. Но отцом Виктора называли потому, что он был протестантским священником.

Около десяти лет в рамках миссионерской деятельности Виктор окормлял католические приходы в Швейцарии и Португалии. Стало быть, знал не только о жизни своих пуэрториканских собратьев в Нью-Йорке, но

имел представления и о том, как живут европейцы, и чем они отличаются от жителей США.

Вернувшись из Европы в Нью-Йорк, Виктор должен был стать настоятелем прихода, но интриги в епархии этому помешали. Погоревав, он решил, что на всё Воля Божья. Нужно было где-то работать. Один из прихожан был директором небольшой амбулаторной клиники, взял Виктора к себе на работу, но с условием, что он получит специальное наркологическое образование.

Так Виктор-священник стал наркологом, пас души «нарко-овец».

С первых же дней Виктор проявил ко мне симпатию. А когда узнал, что по вероисповеданию я христианин, православный, то искренне обрадовался, проникся ко мне даже любовью.

Невысокого роста, средней комплекции. Походка его была забавна – словно у медвежонка. Его черные, с проседью волосы были зачесаны назад, открывая невысокий, изрезанный морщинами, лоб. Черные аккуратные усики, подобно щеточке, были коротко подстрижены. Когда Виктор улыбался, то его лицо вмиг светлело и добродушно расплывалось. Но он мог быть и строгим, особенно когда вещал и проповедовал.

Я никогда не видел Виктора в церкви во время проповеди, но несколько раз на занятиях, когда речь заходила о вере, он произносил такие пламенные речи, с такой страстью твердил, что наркомания – болезнь, в первую очередь, духовная, что никто не смел ему возражать.

Однажды Виктор сказал, что во время сессий с некоторыми пациентами он чувствует в своем кабинете присутствие дьявола! – и все в аудитории, включая преподавателей, раскрыли от удивления рты.

Он верил в то, что говорил. Веру подделать нельзя, притвориться верующим невозможно. Люди это чувствуют. Лицемера быстро изобличат.

Среди студентов Виктор пользовался безграничным доверием. Я уже говорил о том, что, когда по предложению Рауля, был создан фонд взаимопомощи для «голодных и необутых», то единогласно решили, чтобы

собранные деньги хранились у Виктора.

Надо сказать, что при всех способностях проповедника, учебная программа, теория давалась Виктору тяжело, экзамены он сдавал со скрипом, едва перекатываясь с семестра на семестр.

Мы поддерживали с ним связь и после окончания института, познакомились ближе.

История его жизни необычна и поучительна, но я ограничусь лишь несколькими эпизодами.

xxx

Виктор родился в Пуэрто-Рико. Его отец покончил собой, когда Виктору было три годика. После случившегося мать вместе с детьми переехала в Нью-Йорк к родственникам. Свое детство и юность Виктор провел фактически на улицах Бруклина и Бронкса.

Как многие его сверстники в Штатах в конце шестидесятых годов, он поклонялся трем кумирам: сексу, наркотикам и рок-н-роллу. Хулиганил, пил, глотал ЛСД, имел проблемы с полицией.

Чтобы окончательно не слететь с катушек и не загреметь в тюрьму, под давлением родственников Виктор пошел служить в армию. После трехмесячной «учебки» очутился в Германии, на американской военной базе во Франкфурте.

Перемены места и обстановки, как известно, не всегда меняют нас внутренне: в армии Виктор продолжал пить, курил гашиш. Более того, связавшись с крупным немецким драгдилером, он начал продавать наркотики солдатам.

Виктора арестовали (за ним уже следили), конфисковав имевшиеся при нем три килограмма гашиша!

Его посадили в следственный изолятор военной тюрьмы, где он четыре

месяца ждал суда. По ночам плакал и молился, просил Святую Деву за него заступиться: «Hail Mary, Santa Maria Madre de...»

Однажды, перед тем, как сдать свою военную куртку в стирку, Виктор проверил карманы и неожиданно обнаружил там крошки гашиша! Он выгреб их из кармана, скрутил сигарету и во время прогулки в тюремном двореке, удалившись, покурив.

А ночью снова давал клятвы Деве Марии...

Был суд. Виктора оправдали! Судья посчитал, что арест военнослужащего был произведен с нарушением правил. Судья сообщил, что с этой минуты рядовой Виктор из армии уволен. На прощанье посоветовал ему сделать правильные выводы на будущее.

Выйдя из следственного изолятора на свободу, счастливый Виктор поблагодарил Деву Марию и поехал... к наркоторговцу, покупать гашиш!

Виктор мне подробно рассказывал об этом эпизоде своей жизни, и я не мог поверить, что этот приветливый, чрезвычайно добрый священник с пронзительными глазами когда-то продавал килограммами гашиш, глотал ЛСД, пил, сидел в следственном изоляторе...

xxx

Слушая Виктора, я невольно припомнил годы своей службы в российской армии. Мне тоже пришлось посидеть «на губе», в каком-то смысле, за похожие дела.

Я снабжал солдат нашего разведывательно-десантного батальона водкой и вином. Меня назначили почтальоном: каждый день после обеда я ходил на почту в военном городке, где располагалась наша дивизия, и приносил оттуда солдатам газеты и журналы, письма и посылки.

Неподалеку от почтового отделения находился бакалейный магазин, где продавали и алкоголь. Я стал туда заглядывать, познакомился с продавщицей. Давал ей «сверху», и она через черный ход выносила мне водку и вино. Я

заворачивал бутылки в газеты и журналы, все клал в сумку и шел в казарму.

Однажды меня остановил патруль, нашли в сумке две бутылки водки и отвели на «губу». Я там провел две недели.

Помню, очутившись в крохотной камере-одиночке, я сделал несколько шагов от стенки к стенке, посмотрел на зарешеченное окошко под потолком и подумал о том, что свобода – понятие относительное, ее можно ужимать и ужимать до бесконечности...

После этого с должности почтальона меня, разумеется, сняли. Но пить я не перестал. Надо сказать, пили многие солдаты нашего гвардейского батальона. Все зависело от того, имел ли ты деньги и мог ли раздобыть алкоголь. Пили, кстати, не только водку или вино. Пили бальзам, самогон – все, что привозили или в грелках присылали родители и друзья.

Пили и одеколон – гадость редкая, на следующее утро во рту такой привкус, будто выпил шампунь и сейчас начнешь пускать пузыри. Но в тумбочках солдат, где лежали личные вещи и туалетные принадлежности, одеколону никогда не было – сразу выпивали.

Пили при любой возможности, используя в качестве емкости все, что имелось под рукой: котелки, миски, даже помню, однажды пришлось открутить фару в бронемашине...

xxx

Но я отвлекся. Вернемся к Виктору, приключения которого продолжались и после увольнения из армии. Он быстро забыл клятвы, которые в камере давал Деве Марии.

Вернувшись из Германии в Нью-Йорк, Виктор взялся за старое. В паруса жизни подули все те же три ветра: секс, наркотики и рок-н-ролл. Он снова начал торговать гашишем.

Скрываясь от полиции, он однажды уехал из Нью-Йорка в Пуэрто-Рико, где жила его двоюродная сестра – набожная женщина. Они были очень

близки друг с другом, и Виктор рассказал ей о своей лихой жизни. Кузина ахнула и взяла с него слово заняться спасением своей души и хоть иногда ходить в церковь.

Это стало поворотным пунктом. В церкви Виктор вспомнил о том, как мама и бабушка когда-то учили его молиться. Он стал беседовать со священником и прихожанами, испытал глубокое раскаяние, решил поступить в богословскую семинарию. В тридцать пять лет понял, что быть священником – его призвание, его миссия на Земле...

Иногда мы с ним встречаемся. Виктор служит пастором церковной общины в Бронксе. Недавно стал членом специальной волонтерской программы для священников – посещает заключенных в тюрьме. Утешает и наставляет арестантов на путь истинный.

По его словам, в этой работе ему помогает не только опыт священника, но и... личный опыт, когда сорок лет назад в камере следственного изолятора в Германии он по ночам молился Пресвятой Богородице, обещал Ей, что станет настоящим христианином и будет приносить в мир только добро. «Nail Mary, Santa Maria Madre de...»

Богородица услышала. Она знала, что именно так оно и будет.

Прощай, институт. В мир!

Хотел написать шаблонное: «незаметно время пролетело», но рука останавливается. Время-то пролетело, год долой. Это так. Но незаметно ли?

Забывать ли те тряские вагоны метро, в которых мне приходилось добираться из одного конца города в другой – в школу, а оттуда – на работу, в супермаркет или в такси, где меня ждали старенький хозяйский «Шевроле», рация и бессонная ночь?

В промежутках между занятиями и работой нужно было выкраивать время на чтение учебников и конспектов, на писание работ по заданным темам, на подготовку к экзаменам.

А размышлять обо всем новом, с чем ранее никогда не сталкивался? Пытаться найти ответы на тьму вопросов, начиная с простых: как же все-таки курят этот чертов крэк? Как он выглядит? Как порошок? Нет, говорят, в виде каких-то камешков... Заканчивая вопросами более сложными: что же это за люди, наркоманы? На вид как будто такие же, как все – руки, ноги, голова. Но что-то в них странное, какие-то они другие...

Ну и, конечно, не раз и не два я спрашивал себя: правильный ли я сделал выбор? Не ошибся ли, доверившись словам родственницы, что стать наркологом – проще простого? Не лучше ли было выбрать что-нибудь спокойное, интеллигентное? Скажем, работу учителя или библиотекаря?

Ничего, думал я, вот окончу школу, не бросать же на полдороге, получу диплом, месяц-другой поработаю в какой-нибудь клинике. А там решу.

Когда сомнения начинали одолевать и сотни разных – то ласковых, то грозных – голосов твердили: «Уходи, бросай», я вспоминал данную себе клятву: довести хоть одно начатое дело до конца.

К тому же я тогда считал, что нескольких месяцев работы в какой-нибудь наркологической лечебнице мне хватит, чтобы во всем разобраться. (Я надеялся за пару месяцев разобраться в том, на что мне понадобилось более десяти лет! Просто смешно...)

Что скрывать, этот диплом дался мне нелегко. В течение года я не прочел ни одного романа. Только учебники. Прощайте, герои Чехова и Достоевского. Прощайте, братья Карамазовы и дядя Ваня. Прощайте! Здравствуй, героин, кокаин, марихуана и метадон! Здравствуйте, *рихэбы* и *детоксы*! Приветствую вас, офицеры прокуратуры! Героин колют, кокаин нюхают. За год я это выучил назубок. И получил «отлично» на экзамене. Спасибо, Питер, мой американский брат! Спасибо. Thank you.

Художественная литература, жизнь в России – все это мне теперь казалось далеким, нереальным, словно и не существовало никогда...

Но каких бы усилий ни стоило мне получить заветный диплом, все же не могу их сравнить с тем – не побоюсь этого слова – титаническим трудом,

затраченным для этой же цели моими однокурсниками. В конце концов, что мне? Ну, не досыпал. Ну, порой сгорал от стыда из-за своего слабого английского. Ну, терзался сомнениями.

А каково им, вчерашним? Тем, кто десять, пятнадцать, двадцать лет кряду убивали свои мозги, тело и душу алкоголем и наркотиками? Тем, кого по ночам наверняка еще прошибал холодный пот ломок (физические ломки от наркотиков длятся до полугода). Некоторые мои однокурсники жили не у себя дома, не в окружении любящих родных, а в приютах и домах трезвости, где нередки драки, воровство. После занятий я ехал на работу или домой, а они – в клиники, чтобы продолжать лечение².

Многие из них еще находились под надзором прокуратуры, разводились с супругами, ходили по судам, пытаясь сохранить или вернуть родительские права.

Да, все они еще были «сырыми», не только профессионально, но и психологически. У большинства сохранялись повадки вчерашних *торчков*: они часто ссорились, по любому поводу заходились в истерику. Были и такие, кто ходил в деканат стучать на однокурсников и преподавателей, заводили ненужные романы.

Семеро студентов из двадцати, то есть почти треть, не смогли дотянуть до финиша, мистически исчезнув, попросту говоря, – сорвались. Причем сорвались, не на день или два, а так, что бросили учебу. Один случай с Сильвией чего стоит – медовый месяц для обоих закончился срывом и отчислением.

И вот такие, вчерашние уголовные, падшие, вдруг нашли в себе силы – подняться. Целый год посещали занятия, выполняли домашние задания, сдавали экзамены. Немыслимо! Многие из них сами не могли поверить, что совершили такое.

А завтра им предстояло появиться в клиниках и госпиталях Нью-Йорка, чтобы не лечиться, а лечить. Лечить активных³ наркоманов и алкоголиков, тех, с кем еще вчера они вместе кололись и пили. Они должны были учить

наркоманов, как правильно жить, как себя вести в обществе и, самое главное, как не употреблять наркотики. Они?!..

xxx

Это был незабываемый солнечный день. Аудитория была украшена цветами и воздушными шарами. Студенты-выпускники – в костюмах и нарядных платьях, все чистенькие, благоухающие духами и дезодорантами.

Знакомили друг друга со своими родственниками. Жен и мужей, увы, пришло не много. В основном – сестры и братья, друзья. Мой «американский брат» Питер представил меня своей сестре, а священник Виктор – нескольким прихожанам.

Разумеется, пришли и преподаватели, директор и вся администрация. Вручали дипломы. Каждый выпускник произносил речь – прощальную, благодарственную. Многие, не договорив до конца, начинали плакать.

Мне диплом вручала миссис Тери – замдиректора, та самая, которая год назад, принимая меня в институт, спросила: «Зачем Вам это нужно?» В институте она следила за посещаемостью и дисциплиной, но, в основном, имела дело с бумагами. Студенты не шибко любили ее за сухость и формализм, предпочитая обращаться напрямую к директору, который был человеком более либеральным.

В прощальной речи я тоже поблагодарил преподавателей и студентов. Смотрел на сидевшую напротив миссис Тери, всегда бесстрастную, рассудительную, испытывая к ней смешанное чувство презрения и жалости. Как может она работать с людьми, которых презирает? Еще и замдиректора! – думал я, глядя, как она сдержанно хлопает в ладоши и принимает от студентов цветы.

Одной из последних микрофон взяла студентка по имени Барбара – низкорослая и склонная к полноте пуэрториканка. Во время занятий Барбара ничем не выделялась, была немногословна, держалась в тени. Она не была

наркоманкой, но сидела в тюрьме, поэтому в группе ее считали «своей». О себе Барбара особо не распространялась, публичных откровений не делала, драматических историй из своей жизни не рассказывала. Интерес к ней у группы был невелик.

Когда она взяла микрофон, на многих лицах изобразилась досада. Мол, сейчас придется выслушивать эту скучнейшую Барбару, которая наверняка не будет ни рыдать, ни петь, ни выбегать в слезах из аудитории. Уж лучше бы отказалась от речи.

Барбара некоторое время молчала, глядя в окно. Затем стала тихо говорить, сделав несколько шагов по аудитории:

– Вот моя история. Мой муж был *наркодилером*, продавал крупные партии наркотиков, и я ему помогала. Мужа застрелили, и я решила вести его бизнес, – говорила Барбара, не переставая медленно ходить от стены к стене и глядя перед собой так, словно не видела ни цветов, ни блестящих шаров. – Меня накрыло ФБР, конфисковав крупные партии кокаина. Прокурор запросил максимум – двадцать пять лет, но судья сжалился, и мне дали пятнадцать, без права досрочного освобождения, – тихо лилась речь Барбары в этом притихшем, каком-то перепуганном зале. – Но такой мягкий приговор обозлил меня еще больше. Я наладила наркобизнес в тюрьме. Я видела, как людей убивают из-за наркотиков и как они умирают от передоза, но меня это не трогало. Сама я не употребляла, лишь несколько раз укололась, из любопытства, и изредка курила траву. Однажды меня протестировали на ВИЧ и обнаружили вирус. Я вышла в тюремный дворик, долго там сидела. Я поняла, что это Божья кара за все зло, которое я причинила людям. Я решила покончить с собой. В тот день, когда я собралась осуществить задуманное, меня неожиданно вызвали в мед часть. Сделали повторный тест. Результат был негативным! Оказалось, что произошла ошибка: мой тюремный номер перепутали с номером другой женщины! С тех пор я каждый день прошу у Бога прощения...

Барбара все ходила, от стены к стене, как, наверное, ходила все

пятнадцать лет, проведенных в тюремной камере.

– На прошлой неделе меня взяли работать в прокуратуру. Пока что волонтером. Я буду там запечатывать и отправлять конверты и складывать некоторые бумаги в папки. Во время интервью кто-то вызвал офицера, и он ненадолго вышел, оставив меня одну в своем кабинете. На вешалке висел его плащ. Но он мне поверил. Работник прокуратуры поверил. Мне?! Когда я пришла домой и рассказала об этом маме, она меня крепко обняла и сказала, что Бог возвращает мне Свою любовь...

Барбара закончила, а в аудитории царил гробовая тишина. Лица у всех были задумчиво-хмурыми. В истории Барбары каждый, так или иначе, узнавал свою жизнь. Никто не плакал.

Кроме одной только «бессердечной» замдиректора Тери.

ДОРОГАЯ ТЕТУШКА

– Окончил школу? Стал крутым профи? – спросила она.

– Школу-то окончил. Крутым профи пока не стал.

– Давай выпьем за то, чтобы ты стал самым лучшим наркологом Нью-Йорка! – она элегантно подняла стаканчик с теплым sake.

– О'кей, – поддержал я ее тост, поднимая свой стаканчик.

Мы выпили короткими глотками. Заказали еще по стакану, и молоденькая официантка приняла заказ.

С моей дальней родственницей в суши-баре мы обмывали мой диплом нарколога.

Я мысленно называл ее «дорогой тетушкой»: ей было около пятидесяти, но выглядела она моложе своих лет. Она сидела передо мной за столиком в светлом, декольтированном платье, с бусами на загорелой груди. Короткие черные волосы обрамляли ее лицо с приятными чертами.

– Диплом-то получил. Но как теперь получить работу по специальности? Везде требуют опыт. А где же мне этот чертов опыт взять? –

пожаловался я.

Принесенный официанткой, на стол опустился корабль, – с суши и сашими. Ломтики рыбы аппетитно поблескивали, из рисовых шариков торчали хвосты креветок и копченых угрей.

– Ты уже составил свое резюме? – спросила она.

– Да.

– Хочешь, я тебе помогу? В лечебнице, где я работаю, вакансий сейчас нет. Зато я знаю менеджера другой амбулаторной клиники. Могу попросить, чтобы он поговорил с директрисой.

– Конечно, попроси. Получу работу – поставлю тебе бутылку коньяка.

– Нет, дорогой, бутылкой коньяка не отделаешься. Это тебе будет стоить... четыре тысячи долларов.

Я помолчал. Не ожидал, что она с меня попросит денег.

– Три тысячи, – ответил я хмуро.

– О'кей, договорились, – согласилась она после недолгого раздумья.

Мы снова пили sake. Моя дорогая тетушка учила меня, как пользоваться палочками вместо вилки. Sake согревало внутри, на палубе корабля оставалось все меньше рисовых шариков и ломтиков лосося...

Официантка принесла чек, и я заплатил за этот прекрасный ужин, а тетушка добавила свои пять долларов чаевых.

Мы вышли из бара, когда уже стемнело. Не спеша пошли к метро. Нам было хорошо обоим в этот теплый осенний вечер.

Меня, правда, немного омрачала перспектива отдать ей три тысячи баксов.

– До чего же мне хорошо с тобой, Петр, настоящий праздник души! – сказала она, беря меня под руку. И крепко прижалась грудью к моему плечу.

Я грешным делом подумал: уж не хочет ли она продолжить «праздник души» у меня дома.

Непонятно почему, но я испытывал к ней только жалость.

– Ты будешь хорошим наркологом, вот увидишь. Что-то в тебе есть.

Тебе интересны люди, ты не безразличен к ним. Быть может, со временем ты мне тоже поможешь.

– Конечно, помогу. А какая у тебя проблема? – спросил я.

– Мой муж... Он пил давно, но в последнее время совсем выскочил из мерки. Он еще как-то умудряется работать, хотя из запоев выходит уже с трудом, несколько раз приходилось ему вызывать «скорую».

– Но ведь ты же нарколог с десятилетним стажем! – удивился я. Неужели ты ничего не можешь сделать?

– Ничего не получается. Он знает все мои женские слабости, знает, как этими слабостями пользоваться. Он большой манипулятор, как все алкоголики... Думаешь, почему я с тобой встречаюсь в барах и не приглашаю к себе домой? Потому что муж может прийти домой пьяным, устроит скандал. И я буду сгорать от стыда. А так – посидела с тобой в баре, побыла часок-другой светской дамой, немножко развеялась...

Она вдруг остановилась и, обняв мою голову, привстала на цыпочки и поцеловала меня в губы:

– Спасибо тебе. А про три тысячи долларов забудь. Мне не нужны от тебя деньги. Достаточно того, что ты сводил меня в суши-бар.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕРВАЯ РАБОТА: «ЧТО Я ЗДЕСЬ ДЕЛАЮ?»

Амбулаторная наркологическая клиника, в которой мне предстояло работать, находилась в неплохом районе Бруклина.

Директор – итальянка лет сорока, по имени Франческа. Невысокая, гармонично сложенная, Франческа имела дар сразу к себе расположить, во время разговора создать доброжелательную атмосферу. А могла быть и жесткой, а то и просто хамкой. Улыбка ее была очаровательна.

Моя зарплата, увы, была точно такая же, что и на прежней должности –

подсобника в супермаркете, а если точнее – на 25 центов в час ниже. И ниже зарплаты водителя такси! Спасибо, «дорогая тетушка».

Ничего, утешал я себя. Как говорят в Америке: главное – поставить ногу в щель приотворенной двери, а там...

Эта клиника имела дело со специфическим контингентом. Ее пациентами были не обычные *торчки*. И не студенты колледжей. И не добровольно пришедшие. Пациентами были, в основном, наркоманы, отправленные на принудительное лечение судом. Досрочно освобожденные из тюрем или получившие условный срок взамен на согласие лечиться.

С девяти утра и до девяти вечера, вплоть до закрытия наружных дверей, шел безостановочный поток.

Вдобавок, боссы недавно открыли дома трезвости: купили два небольших здания, расположенных в неблагополучном районе Нью-Йорка. Кое-как привели их в порядок, чтобы в каждом можно было разместить по сто человек. Жить там должны были те, кому после освобождения из тюрьмы некуда было податься, от кого отказались родные.

Утром, ровно в девять ноль-ноль, к зданию подкатывали микроавтобусы, груженные пациентами, – их привозили из домов трезвости и, пропустив через несколько групповых психотерапевтических сессий, отвозили обратно. Потом привозили новых. Конвейер был налажен от и до, с максимальной экономией: не было ни одного свободного места ни в машинах, ни в залах, где проходили сессии.

В регистратуре девочки-секретарши ставили «галочки» в учетных карточках пациентов. Под каждой «галочкой» наркологи ставили свои подписи. Бухгалтеры отправляли счета за предоставленные лечебные услуги в государственную компанию медстрахования.

Небольшая клиника гудела как улей: У-у... У-у...

В ожидании приема в коридорах сидели мужчины, только что освободившиеся из тюрьмы, с рюкзаками и старыми сумками на колесиках. Некоторые из них уже были под кайфом, умудрившись по дороге повидаться

с наркодилером.

У-у... У-у...

Вспоминал ли я свои юношеские грезы, тревожившие мое воображение год назад? Когда-то, поступая в школу наркологов, я предполагал, что в недалеком будущем меня ждут встречи с художественными натурами, страдающими от наркозависимости: Владимир Высоцкий, Джим Моррисон, Дженис Джоплин!

Вот уж поистине все относительно в этом мире! С какой грустью я теперь вспоминал своих милых однокурсников! Почему я когда-то столь опрометчиво причислил их к уличной шпане, к хулиганам и уголовникам! Ай-яй-яй! Какими милыми, благовоспитанными они теперь мне казались! Пузатый артист Рауль, загадочный тихоня Кевин, мой американский брат Питер! Где вы? Как же я, невежда, не смог оценить ваших достоинств? Да вы же, оказывается, были самыми способными и упорными, сумевшими подняться на первую ступеньку из такой грязи!

Все нынешние пациенты сливались для меня в одно размытое лицо. Независимо от расы и национальности. Среди них были афроамериканцы, белые, латиноамериканцы. И все они чем-то были похожи друг на друга. Убогой ли одеждой? Огрубевшими лицами? Повадками? Прокуренными, испитыми голосами?

Больше всего меня поражали не их манеры и не внешний вид. Поражало содержание их речей. Нет, никто из них не призывал к насилию. Они никому не угрожали. Скорее, их речи напоминали речи философов, мыслителей.

Ну, разве что, в пылу выступлений, они порой крепко ругались, как бы настойчиво я ни призывал их к нормативной лексики. Зато как здраво они рассуждали о жизни! Говорили, что нужно управлять своими эмоциями и всегда слушать голос разума. Жить в мире и гармонии с собой и людьми. Не замечать соринку в глазу другого, а стараться вытащить бревно из глаза собственного. Не загадывать о далеком будущем, но и не предаваться

излишней скорби о днях прошедших. А главное, вот что самое главное, о чем все они говорили хором и порознь: не употреблять наркотики и не пить алкоголь! Ведь это же такое зло! Этот проклятый героин, кокс, трава, водка. «Если бы не эта *отрава*, я бы не развелся с женой, не потерял работу, не сел в тюрьму. Имел бы семью, работу, квартиру. Был бы человеком. А теперь кто я? Пустое место. Ёб...й *торчок!* Живу в приюте. Должен раз в неделю отмечаться в прокуратуре. Сдавать и там, и здесь мочу на анализы. Покупать еду по продуктовой карточке для нищих. И все из-за чего? Из-за кокса и водки. Но теперь-то я твердо стал на путь исцеления. Буду во всем соблюдать меру, слушать голос разума, жить в гармонии⁴ ...»

Приблизительно так, в таком духе, звучали их речи.

«Что я здесь делаю? – слушая их, задавался я вопросом. Я-то предполагал, что буду объяснять пациентам, какое зло причиняет наркота и алкоголь. Но об этом они знают гораздо больше, чем я!»

Но тогда почему эти мыслители годами сидели в тюрьмах? Почему они, так рьяно осуждая наркотики, употребляли их десятки лет? Как согласовать их речи, исполненные гуманистического пафоса, с уголовными преступлениями? С их обозленными лицами?

Не мог я ответить и на другой вопрос: куда и почему исчезают эти люди? Ведь они же находятся под прокурорским надзором. Тем, кто самовольно бросит лечение, грозит тюрьма. Что же они – опять скитаются по городу, нюхают, колются, пьют? Но ведь еще вчера, вот здесь, на этом самом месте, они так здраво толковали о вреде наркотиков. Неужели вралли? Притворялись?

Вопросы, вопросы...

ТАИНСТВЕННАЯ УЛЫБКА ЛИЗЫ

Мы делили с ней офис.

Ее родители давным-давно приехали в Штаты из Сицилии, а Лиза

родилась в Америке. Смуглолицая, с черными, как вороново крыло, волосами, широким разрезом темно-карих глаз и чувственными губами, которые она красила яркой помадой. Впрочем, ее макияж, хоть и яркий, был выдержан в одном тоне. В манере одеваться она пыталась подражать светским дамам, но до этого уровня не дотягивала, в ее «светскости» сквозила определенная вульгарность.

Голос у Лизы был зычный, смеялась тоже очень громко. Несмотря на свои шестьдесят, могла порой нарядиться очень даже «секси» – явиться в декольтированном платье, приоткрывавшем ее пышную грудь.

Она обладала горячим темпераментом – сидеть долго на одном месте, да еще и молча, ей было крайне трудно. Ее постоянно куда-то несло, ее обуревала жажда деятельности. Жажда разговора. Жажда откровений.

Еще не закончилась моя первая трудовая неделя в этой клинике, как я уже знал про Лизу очень многое, из ее же уст. А если чего не знал, то лишь потому, что у нас все-таки было не так много свободного времени. К тому же разговоры на личные темы между сотрудниками очень не нравились директорисе. Франческа имела странную привычку ходить по коридорам и заглядывать в окошки в дверях – как идет лечение? Директрису выводило из равновесия, когда нарколог сидел в кабинете один, без пациента! Как же тогда предъявлять счета к оплате страховым компаниям?!

Вот что я узнал о Лизе. Ее родители, приехав в Нью-Йорк, открыли небольшую пиццерию, работали там от зари до зари, чтобы прокормить детей и дать им пристойное образование. Брату и сестре Лизы собранные родителями деньги действительно понадобились на учебу в колледжах и институтах. Что же касается Лизы, то она начала употреблять наркотики с пятнадцати лет и с превеликим трудом окончила школу. Родителям не раз приходилось выкупать ее под залог из тюрем и тратить на адвокатов. Не помню, называла ли она мне точную цифру, сколько раз была арестована и сколько сидела. Во всяком случае, не раз и не два. Последний раз ее арестовали полтора года назад, прямо в клинике, где она тогда работала.

Вывели в наручниках из офиса и повезли напрямик в полицейский участок. Впрочем, тот арест был связан с ее прошлым: в прокуратуре «висело» ее какое-то незакрытое дело, и они там спохватились спустя много лет.

Аресты и посадки Лизы случались, в основном, за владение наркотиками. (В США уголовно наказуемо не употребление, а владение наркотиками. Это хитрый трюк Системы: разве можно употреблять наркотики, не владея ими? – *авт.*)

Но имелись у нее судимости и за квартирные кражи, в которых она участвовала вместе со своим бывшим мужем, судя по всему, большим авантюристом. Он втягивал женушку во всевозможные криминальные приключения. Каким-то непонятным образом в промежутках между арестами и госпиталями они с мужем умудрились заиметь двух дочерей. Ко времени моего знакомства с Лизой ее дочери уже выросли и жили со своими семьями.

Муж Лизы погиб от передоза, а она долго боролась со своей наркоманией: лечилась, срывалась, попадала в полицию, снова лечилась – то принудительно, то добровольно. Борьба эта заняла у нее почти двадцать пять лет – четверть века! Наркологом Лиза работала более пятнадцати лет, в различных лечебницах. В эту, где мы с ней встретились, устроилась незадолго до меня, поэтому тоже была здесь новичком.

Мы с ней сразу почувствовали взаимную симпатию. По словам Лизы, ей нравилось во мне «простота сердца». Мол, хоть и интеллигентный, не на улице вырос, и умные книги читал, но не задается.

Она живописно, с юмором и самоиронией рассказывала мне о своем прошлом, не упуская важных, по ее мнению, подробностей.

Вот, скажем, такая история: они с мужем обворовывали одну квартиру в четырехэтажном доме. Он влез туда через окно, а Лиза стояла на крыше – принимать украденные вещи. Дело было зимой, в жуткую холодрыгу, началась пурга. Лиза прождала мужа Бог знает сколько времени, окоченела. Чтобы согреться, прыгала по крыше, хлопая себя по плечам. Не могла понять, почему так долго муж не появляется, и с какой стати к дому подъехало

несколько полицейских машин с включенными мигалками?

Оказывается, муженек, роясь в чужих ящиках, обнаружил там... шприцы и морфий! Конечно, решил тут же, на месте, попробовать. И так *затащился*, что не заметил, как нагрянули хозяева и вызвали полицию.

Описывая этот случай, Лиза возмущалась поведением мужа, дескать, некрасиво он тогда поступил, думая лишь о собственном кайфе, а не об оставленной на крыше жене. Но больше она обвиняла не мужа, а себя, посмеиваясь над своей доверчивостью.

Да-да, несмотря ни на что, Лиза искренне считала себя наивной и доверчивой женщиной. Верила в то, что именно из-за этого «дефекта ее характера» у нее в жизни столько проблем.

В этом Лиза как раз была типичной представительницей своего племени: практически все наркоманы искренне полагают, что они наивны и что их очень легко обмануть. Дескать, они пострадали из-за своей доверчивости. Но, натерпевшись от людей, поняли: никому доверять нельзя.

Все люди злы и хитры, пользуются доверчивостью наркоманов. Звучит как анекдот!

Сначала я думал, что они шутят. Как может тот, кто столько раз в своей жизни врал, обворовывал родных и близких, нарушал клятвы, был арестован, – как такой человек может быть наивным?!

Но со временем, постоянно слыша то же самое от разных пациентов, я стал задумываться: может, они правы? Ведь не могут же они все дружно, не сговариваясь, врать – о своей наивности и доверчивости.

Наивность, доверчивость – не самое верное определение свойства, которое наркоманы имеют в виду. Их проблема – в неумении разобраться в природе сложных человеческих отношений. Да, наркоманы хорошие психологи, а употребление наркотиков еще больше развивает у них интуицию и наблюдательность. Беда в том, что свою интуицию и наблюдательность они используют только в одном направлении.

Но когда речь идет о вопросах, касающихся не наркотиков, а

отношений на работе, в семье, в обществе, наркоманы ведут себя как подростки: либо безгранично доверяют тем, кому доверять нельзя вообще, либо, наоборот, враждуют с теми, от кого зависит их благополучие. У них есть только два цвета – черный и белый. Нет оттенков и полутонов, которые обычно присутствуют в палитре сложных отношений между людьми.

Они как бы шарахаются из угла в угол, сердятся, злятся на себя и на всех. Вконец запутавшись, разорвав со всеми отношения, неспособные спокойно и здраво разобраться в оценках, «уходят в глухую оборону». Убеждают себя в том, что они жертвы, а вокруг одни враги. И начинают с этим миром (с вами, читатель) вести войну.

Тут уж все становится на свои места: «Теперь я буду жить по волчьим законам. Хватит быть овцой на заклание. Буду волком».

Приблизительно такую – примитивную и глубоко неверную – жизненную философию создает себе наркоман.

Такая философия очень затрудняет лечение. Нарколог как бы постоянно имеет дело с двумя противоположными персоналиями – ранимой «овцы» и бессердечного «волка» – в одном человеке. Строгая интонация голоса, прямой взгляд нарколога сразу вызывает у наркомана чувство жертвы, «овцы»: он обижается, замыкается в себе. Но стоит к нему проявить мягкость и жалость, как у наркомана тут же срабатывает инстинкт «волка».

Вот и попробуй, полечи такого!

Вернемся, однако, к Лизе.

Она рассказывала мне, что когда-то родители запирали ее дома, чтобы она не могла выйти на улицу, где ждали друзья-подружки. Но страсть к наркотикам придавала ей сил и толкала на любые геройства: Лиза разбивала стекла, чтобы выпрыгнуть из окна, торговала наркотой, танцевала в стиптиз-клубах. Трижды ее ловили на улице кредиторы и конкуренты, приставляя ко лбу пистолет...

Слушая Лизу, я представлял себе улицы Нью-Йорка времен ее юности, районы, где когда-то обитали итальянцы, приехавшие из полуголодной

послевоенной Сицилии. Родители вкалывали до седьмого пота в пиццериях и пекарнях, а их дети... – одни шли в колледжи (как наша директриса Франческа), другие становились уличной шпаной, хулиганьем, пополняли ряды знаменитой итальянской мафии в Нью-Йорке. В Лизе, несмотря на ее уже немолодой возраст и приличный трудовой стаж, еще заметно проглядывала «непутевая девчонка», изуродовавшая свою жизнь на нью-йоркских улицах.

Когда мы с ней подняли планку взаимного доверия еще выше, она мне показала тонкие шрамы на своих руках – «дорожки» от абсцессов. И на ее смуглых, еще крепких ногах, от лодыжек и до колен, тоже белели эти «боевые дороги».

В отношениях с коллегами Лиза была крайне неровная: видела в них то верных друзей, ходила с ними на ланч, откровенничала, то вдруг резко меняла о них мнение, записывая в список недругов.

Была она, конечно, не из робкого десятка. Помню, как-то вечером, глубокой осенью мы вместе возвращались с работы, шли к сабвею. Была мерзкая погода – слякоть, дул промозглый ветер. Мы разговаривали о работе, ругали нашу директрису, с которой Лиза начала конфликтовать.

– Это же не лечебница, а грёбаный бизнес! – возмущалась она. – Никто не думает о пациентах. Пит, я знаю, что ты никогда не торчал. Но попробуй поставить себя на их место: они только вчера освободились из тюрьмы. У них нет ни специальности, ни образования, ни денег. Ни черта у них нет! Не забывай, что они – хронические наркоманы и алкоголики, двадцать четыре часа в сутки их мучает желание употреблять. Они всех ненавидят и никому не верят. И все-таки – надеются. А теперь скажи, как к ним относятся в нашей клинике? Как к скотам!

Потом Лиза направила критику на нашу директрису, считая Франческу виновницей такого ужасного положения вещей. Больше всего Лизе не нравилась любовь Франчески к модным тряпкам. Ее возмущение имело под собой основания: директриса частенько в рабочее время куда-то уезжала на

своем новом сверкающем джипе и через пару часов возвращалась с огромными пакетами фирменных бутиков. На работу Франческа являлась вся расфуфыренная, и ее дорогие шмотки уж слишком выделялись на фоне лохмотьев наших пациентов.

Мы свернули на боковую улицу, чтобы срезать путь. Делать этого не следовало. На Лизе в тот вечер было красное шерстяное пальто, под мышкой держала сумочку, словом, имела вид дамы, идущей на раут.

Дальше все произошло, как... Нет, в кино или романах такие эпизоды давно не впечатляют – слишком мелко. Кому сегодня интересно читать о попытке банального уличного ограбления, когда какой-то хулиган вознамерился отнять у женщины сумочку, в которой лежали двадцать долларов, карточка на проезд в метро и косметичка?

Но в данном случае события развивались нетривиально. Лиза успела вцепиться в свою сумочку, уже очутившуюся в руках грабителя. Я хотел было прийти на помощь, но моя помощь Лизе не понадобилась. Словно дикая кошка, она кинулась к парню и с ходу заехала ему коленом между ног. Он, надо сказать, опешил, не ожидая от почтенной дамы таких бойцовских качеств. Вернув себе сумочку, Лиза тут же пустила в ход высвободившуюся руку и тяжелую артиллерию – отборную ругань. А когда парень пустился наутек, Лиза еще и погналась за ним!

Отбежав на безопасное расстояние, парень остановился и ответил ей – издали – тоже бранью.

– Иди лечись, fucking junky (ё...й торчок)! – крикнула ему Лиза напоследок, даже в такой ситуации помня о своем профессиональном долге.

xxx

Американского «брата» Пита я считал своим первым учителем, но сам ученик тогда находился в первом классе, если не в детском саду. Лиза же стала моей второй учительницей этой сложнейшей науки – наркологии.

Пыталась донести до меня то, о чем не пишут в специальных книгах. Много из того, что мне прежде казалось неважным, на самом деле заслуживало особого внимания. О существовании некоторых вещей я вообще не подозревал.

Так, посмотрев известный фильм «Славные парни» («Goodfellas») – об итальянской мафии в Америке, с Робертом Де Ниро в главной роли, я спросил:

– Почему от одного из героев фильма, когда он начинает торговать наркотиками, отворачивается вся мафиозная семья? Неужели лучше заниматься рэкетом?

Лиза объяснила: проблема не в том, что герой стал торговать наркотиками, а в том, что он торговал героином, и, что самое ужасное, сам начал употреблять.

У итальянской мафии, оказывается, крайне негативное отношение к героину. Считается, что тот, кто прикасается к героину, становится абсолютно ненадежным, легко нарушает традиции. С таким нельзя иметь ни деловых, ни личных отношений.

– Но почему же героин? – не унимался я. – Какая разница? Неужели тот, кто нюхает кокаин или пьет водку, более надежен?

– О чем ты говоришь? Конечно, большая разница! – недоумевала Лиза. – Ведь не зря же существует такое понятие: наркотик твоего выбора. Человек не случайно выбирает себе определенный наркотик.

И, прикрыв с внутренней стороны окошко в двери картонкой с надписью «Идет сессия. Не беспокоить!», Лиза посвящала меня в тонкости столь сложного понятия, как НАРКОТИК ТВОЕГО ВЫБОРА.

О, в этой области она была настоящим профессором. Еще бы! – четверть века употребления! К тому же опыт имела весьма обширный: нюхала *кокс*, курила *траву*, глотала *колеса*. Но ее любовью, звездой ее пленительного счастья все-таки был героин.

– Каждый наркотик по-своему изменяет твою душу и мозги. Скажи

мне, какой наркотик ты употребляешь, и я скажу, кто ты, что ты за человек, – начала Лиза свою лекцию. – Вот, скажем, кокаин. От кокса ты как бы взлетаешь, ощущаешь себя на вершине высочайшей горы. И оттуда, с самого пика, смотришь вниз. Ты властелин мира! Нет никого выше тебя, сильнее тебя, умнее тебя! Каково, а? Представь: минуту назад ты – ветошь, жалкий червяк, презираемый всеми. Вокруг тебя темно, сыро. И вдруг бьет поток света, все вспыхивает, и ты из крысы в грязном подвале превращаешься во всемогущего короля, становишься самым Богом! – красивые темно-карие глаза Лизы сверкали, в них сквозила какая-то сумасшедшинка...

– Да-а... – отзывался я, желая вернуть Лизу с вершины на землю. – А героин? Что с ним? Разве героинщик не ощущает себя властелином мира?

– О, нет. Героин – это очень тонкая материя. Героин – это тайна. Это – мистика, мир полутеней и загадочных шорохов, – Лиза томно опускала веки, расслаблялась в своем кресле, словно медленно погружаясь в незримое джакузи блаженства. – Героинщик – как удав, спокойный, холодный. Он не спешит, его не подбрасывает до облаков. Героинщик медленно всем своим существом проникает в кайф, во все уголки и закоулки кайфа, смакует, улавливает каждый нюанс кайфа...

Лиза, в черном брючном костюме, начинала делать медленные, плавные телодвижения, шевелила руками, вся извиваясь. Она напоминала змею, у которой нет души. Вернее, душой этой змеи был героин.

– Героинщик хитрее, коварнее, чем кокаинщик. Он себе на уме, все его чувства спрятаны в самых глубоких тайниках. Он все тщательно просчитывает, он психолог высочайшего класса. Но он знает награду: героин опускает в такое блаженство теплоты, окутывающей все твоё тело и душу, что за эту теплоту ты отдашь все на свете, лишь бы там оставаться и не возвращаться в наш холодный мир. Понять героинщика, Пит, очень непросто, на это требуется много времени.

– А алкоголик? Разве алкоголь действует иначе? Ведь алкоголь тоже «опускает», тоже согревает, даже обжигает горло и желудок, – возражал я, не

сводя глаз с Лизы, которая продолжала «колыхаться в теплых волнах».

Наконец, она стряхивала дурман, ненадолго утянувший ее в далекое прошлое. Услышав про алкоголь, – после героина – смотрела на меня с сожалением, мол, бедняга Пит, ничего не понимает в жизни.

– Разве можно сравнивать алкоголь с героином? Парень, ты в своем уме?! За что тебе дали диплом? Алкоголь – это обычное пойло, разрушающее мозги и тело. Я, конечно, тоже бухала, чтобы выйти из героиновых ломок или чтобы хоть чем-то себя одурманить. Но что такое алкоголик? Взял десять долларов, пошел в магазин, купил бутылку водки и дома выпил. Поплакался о своей несчастной жизни и повалился спать. Он жалок. Не обижайся, мой дорогой, я знаю, что вы, русские, к алкоголю испытываете особую любовь, мама-Раша – буль-буль! – растопыренными пальцами она изобразила бутылку и поднесла ее к раскрытому рту. Затем забавно скривила лицо.

И мы оба расхохотались.

xxx

Помимо пациентов, направленных к нам на принудительное лечение, клинику посещали и «добровольцы», то есть, пришедшие по собственному желанию. Таких, правда, было немного.

Из их числа сформировалась группка старичков, трое мужчин лет шестидесяти пяти: один – из потомков итальянцев, другой – пуэрториканец, третий – еврей. Удивляюсь, как им удалось дотянуть до такого возраста.

Активные наркоманы редко дотягивают до пятидесяти – умирают от передоза, заражения крови, от пуль, несчастных случаев во время интоксикации. Но эта «троица» каким-то чудом уцелела. Двое были друзьями юности, начинали еще в славные шестидесятые годы прошлого столетия.

Все трое, разумеется, выглядели дедушками, больными и измученными. Порой увидишь кого-нибудь из них, ковыляющего по коридору, с палочкой. Приветственно махнув ему рукой, зайдешь в свой

кабинет. Сделаешь там пару телефонных звонков, перелистаешь чью-нибудь историю болезни, перекинешься несколькими фразами с Лизой. Выйдешь из кабинета – а тот пациент все еще в коридоре, преодолел только половину пути. Трудно ему передвигаться с большими распухшими ногами и раздувшимся от цирроза печени животом. И никаких сил в руках...

Иногда, собравшись в нашем с Лизой кабинете, они устраивали посиделки, «вечера воспоминаний». У них были другие лечащие наркологи, не мы. Но полюбился им наш кабинет, где вместо традиционных плакатов о пользе трезвости на стенах висели репродукции, которые Лиза принесла из дома – лубочные картинки на религиозные сюжеты и пейзажи. Живопись настраивала ее на возвышенный лад.

Приходили эти трое, конечно, не созерцать репродукции, а к Лизе. То ли возраст их объединил, то ли угадывалась общность судеб. Все они были ветеранами войны, скосившей тысячи их сверстников в Штатах. Большинство их сверстников-наркоманов уже лежали в могилах. А они – выжили! Старая гвардия! Для молодых двадцатилетних наркоманов в клинике, покупавших психотропные таблетки онлайн, эти трое казались неандертальцами.

К тому времени мы с Лизой изготовили новую табличку: «Идет сессия! Не беспокоить!». Картонка полностью закрывала стеклянное окошко в двери, не оставляя ни единой щелочки. Табличка эта, ясное дело, сильно раздражала нашу директрису.

Когда приходили «дорогие гости», я вешал на дверь эту табличку, а Лиза, как радушная хозяйка, ставила на стол коробку печенья. Гости садились в кружок и начинали разговор. Обычно вначале кто-то из них жаловался на здоровье. Но постепенно разговор затрагивал и другие темы.

Лиза порой забывала, что она нарколог, а не их «боевая подруга». Гости пускались в воспоминания. Бог ты мой, что это были за воспоминания! С какими специфическими подробностями!

Не все в их словах мне было ясно тогда, и, признаюсь, далеко не все

понял бы сегодня. Дело не только в жаргоне.

Как нам сегодня понять их жизнь – на улицах Нью-Йорка во второй половине прошлого века?

Желая просветить меня, как молодого специалиста, они посоветовали мне прочесть «величайшую книгу всех времен и народов» – «Junkу» («Торчок»), автора Уильяма Берроуза. (На русском языке роман «Джанки» был впервые издан в 1997 году.)

В пятидесятых годах прошлого века эта небольшая книжица стала настоящей бомбой, вызвав бурную реакцию у читающей американской публики и даже у властей США. Сегодня такая книга осталась бы наверняка незамеченной, никаких особенных художественных достоинств в ней нет.

Это история о буднях одного нью-йоркского наркомана, о том, как он колосся морфием, курил траву, подделывал рецепты, обманывал врачей, воровал деньги у пассажиров в метро. Автор сам был junkу, писал исходя из личного опыта. В своей книге Берроуз почти не пытается разобраться в душе своего героя, зато очень подробно останавливается на описаниях его ощущений под кайфом и добывании денег на наркоте. Но тогда, полвека назад, это было ново, смело.

Я критиковал книгу за художественные недостатки, но «ветераны» удивлялись, что за чушь несусь.

– Парень, в этом романе нет ни одной фактической ошибки насчет торчания! – для них это было высшим критерием достоинства книги. – Помнишь, как герой жевал пепел от выкуренной сигареты с опиумом, запивая его горячим кофе?

– Нет, не очень...

– Пит, дорогой, значит, ты ничего не понял в этой книге! Или, может, ты по ошибке читал не «Junkу», а «Войну и мир» Льва Толстого?

Кустарное изготовление шприцев из глазных пипеток, пережевывание опиумного пепла – сегодня это звучало чем-то вроде рассказов об изготовлении каменных топоров первобытными людьми. Но для них это

было их молодостью, их жизнью.

...В те далекие пятидесятые-шестидесятые наркомания в Штатах, как, впрочем, и в Европе, и в России, считалась не болезнью, а преступлением. Наркология только начала выделяться из правоохранительной системы – в медицинскую. Наркоманами тогда занимались не врачи, а преимущественно полицейские и судьи.

Еще не было наркологических лечебниц, в их нынешнем виде. На специальных медицинских станциях наркоманам в состоянии тяжелейших ломок давали слабенькие успокоительные или обезболивающие таблетки типа аспирина, разрешали принять душ, и на этом лечение заканчивалось. Или же отправляли в дурдома, где их привязывали ремнями к кроватям. Но чаще – отвозили в полицейские участки, а оттуда – в суд.

И вот, наконец, стали возникать первые специализированные лечебницы. Правда, меры, применявшиеся к пациентам в тех лечебницах, по нашим сегодняшним меркам, были драконовскими и мало чем отличались от тюремных, а терапия напоминала психологическое линчевание. Тем не менее, это был колоссальный прорыв в наркологии, и книга Берроуза внесла в это движение свою неоценимую лепту.

Эта книга открыла многим глаза на то, что наркоман имеет свои переживания, привязанности, друзей. Все-таки он человек...

xxx

Я любил, когда Лиза молилась. Она выросла в благочестивой католической семье, но, по ее собственному признанию, к религии по-настоящему обратилась только тогда, когда начала бороться со своей болезнью. Без церкви, без Бога, по ее словам, не выкарабкалась бы.

Это было правдой – ее душевный строй был чрезвычайно шатким: она нередко нервничала по пустякам, раздражалась, срывалась в гнев то на пациентах, то на коллегах. Друзья и враги у нее часто менялись местами.

Иногда, закрывшись в кабинете, она плакала. Плакала, как обиженная девочка, и мне было очень жалко ее в такие минуты. Наблюдая за ней, я приходил к заключению, что без какой-либо прочной внутренней основы ей не устоять. Она бы давно сорвалась и полетела в пропасть, если бы не обрела Бога.

Когда она теряла равновесие, то, как утопающий за соломинку, хваталась за молитву:

– Ах, все это ерунда. Все они не стоят моих переживаний. Я стала слишком много ругаться в последнее время. Много гневаться. Часто плакать. Это опасно. Это грех. Пит, давай, помолимся. Тебе это тоже будет полезно.

Она знала, что я православный. Подкатывала ко мне в своем офисном кресле на колесиках, брала мои ладони в свои. Затем опускала голову. Я тоже наклонял свою голову так, что мы едва не касались лбами друг друга.

– Если хочешь, вслух повторяй за мной. Можешь молиться на русском. Главное, молись, – Лиза становилась очень серьезной.

Кто знает, в иное время и при иных обстоятельствах я бы к этим молитвам отнесся с иронией, как к театру.

Но моя жизнь изменилась. Ежедневно я сталкивался с чем-то совершенно новым, страшным. Все сильнее меня мучили безответные вопросы. Пошатнулась моя вера в справедливость. Я не знал, кто виноват в этом кошмаре, в уродстве и поругании всякой правды, – Бог или человек?..

– «Our Father in heaven...» – начинала Лиза глубоким грудным голосом, негромко, но очень отчетливо произнося каждое слово.

Я повторял вместе с нею – на русском, а иногда молчал. Благодатное тепло исходило от рук Лизы, от ее лба. Я явственно ощущал это тепло. Помню его и поныне...

Мы молились за себя, за всех наших родных, за всех пациентов. Крепко сжимали руки друг друга:

– Господи, дай мне мудрости. Прости мои согрешения. Спасибо Тебе, спасибо за все...

ТЮРЕМНЫЙ ЭСКУЛАП АРКАДИЙ

В этой клинике мне посчастливилось познакомиться с необычным человеком. Звали его Аркадий. Родом он был из Украины, но, прежде чем оказался в Штатах, долгие годы жил в Татарии, где работал тюремным врачом.

Аркадий в прошлом – хирург. Хирург по призванию и врач от Бога.

В Америку он приехал в возрасте 62-х лет. Сразу стал интересоваться, как устроиться на работу в... американскую тюрьму, врачом. Оказалось, что для этого ему нужно подтвердить диплом врача и получить гражданство США. На это ушло бы, наверное, лет пять, не меньше. Таким запасом времени Аркадий, увы, не располагал.

Конечно, он мог наслаждаться всеми льготами и прелестями безмятежной жизни пенсионера: ходить на рыбалку, или целый день смотреть телевизор, или заниматься внуками. Многие из нас именно так бы и поступили на его месте. Но не Аркадий!

Он окончил школу наркологов и, получив диплом, стал работать обычным наркологом.

Когда я встретил его в этой клинике, ему было за семьдесят. Аркадий был в хорошей форме; в отношениях с коллегами ровен, всегда приветлив.

Дело, конечно, не в том, что он сумел так отлично сохраниться и душевно, и физически. Удивительна его судьба. И удивительный он человек.

...Клинику посещали и русскоязычные пациенты. Большинство из них были осуждены за торговлю наркотическими таблетками в крупных партиях. Они создавали преступные торговые сети, в которых были задействованы дистрибьюторы фирм-производителей и аптеки. Отсидев часть тюремного срока, освобождались досрочно, с условием, что будут лечиться, – эти русскоязычные наркоторговцы сами были наркозависимыми.

Вот с ними-то и работал Аркадий.

С пациентами он всегда соблюдал четкую профессиональную дистанцию. Вел себя с ними не как приятель, но и не как обвинитель, не как представитель Системы.

Будучи человеком рациональным, он предлагал пациентам взглянуть на свою жизнь и поступки здраво и трезво, так, как на это смотрят обычные, «нормальные» люди.

Пациентам такой подход не нравился. Они были уверены, что Аркадий ни черта не разбирается в их архисложной психологии, не способен вникнуть в причудливые изгибы их мысли. При случае напоминали, что он *«никогда не торчал»*, поэтому понять их не может.

Они видели в нем все-таки не психотерапевта, а врача.

Его психотерапевтические сессии напоминали лекции или семинары в медицинском институте, где преподаватель поясняет студентам, как наркотики разрушают организм человека. Иногда для наглядности Аркадий пользовался специальными рисунками, доской и фломастером.

Не берусь судить, как глубоко получаемая информация западала в сознание его пациентов и насколько изменяла их жизнь. Все они, конечно же, хотели одного-единственного: поскорее отбыть «срок лечения» и получить бумагу «об успешном окончании».

Тем не менее, всех нас интересует собственное здоровье, что происходит в печени, и почему порой побаливает сердечко.

Волей-неволей пациенты увлекались разговорами о здоровье. Признавались в своих страхах и тревогах на этот счет, задавали Аркадию вопросы. К своему выпуску почти все они были «подкованы» с медицинской точки.

Директриса Франческа относилась к Аркадию высокомерно. Он слабовато владел английским, поэтому на совещаниях в споры вступал редко и свою правоту доказать не рвался. К тому же был чрезвычайно скромным человеком. Не запуганным, не робким, а именно скромным.

Франческа обладала цепким умом администратора. На лету схватывала

полезную информацию, умела находить подход к людям. Но глубоких медицинских познаний не имела.

В клинике постоянного врача не было – дорого, лишь три раза в неделю работала медсестра. А у пациентов – набор серьезных хронических болезней.

Франческа знала, что Аркадий в прошлом – хирург, начальник больницы. Когда случилось ЧП, неслась к нему в кабинет.

– Аркадий, миленький, please, – и, взяв его под руку, вела за собой в какую-нибудь комнату, где едва сидел в кресле или уже лежал на полу пациент.

У одного – резко упало давление, у другого – эпилептический припадок, третьему вдруг стало плохо непонятно от чего,

И тогда раскрывался врачебный опыт Аркадия. Спокойно, решительно, без суеты он оказывал пациенту необходимую помощь. Давал стоявшей рядом Франческе совет: вызывать ли «скорую» немедленно, или имеет смысл подождать.

В такие моменты они как бы менялись местами: обычно самоуверенная Франческа выглядела послушной помощницей, санитаркой, а всегда тихий Аркадий – начальником крупной больницы, в руках которого человеческие жизни.

Его бывшая работа тюремного врача вызвала у меня большой интерес. Когда мы познакомились поближе, он пригласил меня к себе домой. Его жена Анна подала к столу фрукты, разлила чай. Аркадий достал альбомы со старыми фотографиями.

– А вам тюрьма, случайно, не снится? – спросил я, рассматривая те фотографии.

– Недавно приснилась больница – ординаторская, койки, пациенты. В этом была вся моя жизнь...

И начался наш разговор о его прошлой работе, разговор, продлившийся не один вечер.

Я словно переносился в далекую Казань, в больницу, которая

обслуживала все колонии, тюрьмы и следственные изоляторы Татарии. В ту больницу Аркадий впервые вошел, закончив мединститут, и проработал там более тридцати лет: сначала хирургом, потом начальником больницы.

Он имел редкую память, помнил имена пациентов-заключенных, их болезни. В своей спокойной, рассудительной манере описывал сделанные им когда-то операции, рассказывал о трагических случаях в тюрьмах – бунтах, убийствах, массовых отравлениях заключенных.

Плохонькую тюремную «больничку», без достаточного оснащения и персонала, Аркадий вывел на уровень городской больницы, с оборудованной операционной, современными лабораториями, высококвалифицированным штатом сотрудников.

Во время нашей беседы я словно смотрел фильм, где среди зверств, ненависти, грязи выделяется светлая фигура врача, который отлично понимает, с какой публикой – зэками – имеет дело, и все равно в каждом из них видит, в первую очередь, больного, нуждающегося в помощи.

– ...Приходит ко мне заключенный по фамилии Лапшин, просит оставить его в больнице. Оказывается, он проигрался в карты, и возвращаться в колонию ему нельзя – убьют. Вдруг он вынимает из кармана 125-миллиметровый гвоздь и на моих глазах погружает его себе в рот. Представляете? Мне срочно пришлось его оперировать, – рассказывал Аркадий очередной случай. – Или вот: в больнице ЧП – пациенты в туберкулезном отделении где-то раздобыли спирт, перепились и захватили отделение! Дежурная служба предлагает применить силу. Но я решил попробовать обойтись без крайних мер, утихомирить их словами...

Аркадий рассказывал о далеком прошлом, а сидевшая рядом жена изумленно вскидывала брови: «Неужели было и такое?» Только сейчас, во время нашего разговора, Анна узнавала некоторые жутковатые подробности прошлой работы мужа. К примеру, единственным средством защиты тюремного врача была вмонтированная в стол кнопка тревожной сигнализации, которая часто не работала. Или рассказ о том, как под

матрасом одного зэка обнаружили три заточенных напильника, специально изготовленных для нападения на Аркадия...

Каждый раз, покидая дом Аркадия, я задумывался над тем, что же заставило этого человека, одаренного врача и администратора, связать жизнь с тюремной больницей, с заключенными, постоянно подвергать себя риску? И зачем здесь, в Америке, он вновь ежедневно сталкивается с чужой болью, жестокостью, покалеченными судьбами?

Об этом человеке нужно писать в газетах, показать его по ТВ!

Я связался с редакцией российского телеканала в Америке. Студия находилась в Манхэттене. Рассказал им про Аркадия, сказал, что готов помочь устроить с ним интервью. Уверял, что это будет интересно, тем более что Аркадий – отличный рассказчик. Мне ответили, что сначала должны получить «добро» из центральной московской редакции.

Дело, к счастью, не заглохло, Москва «дала добро». «Снимайте!»

Приехала телегруппа: оператор и журналистка. Телекамеры, провода, лампы для освещения. «Раз-два-три: съемка! Как он сидит в кадре? Давай прогоним этот кусок еще раз...» Снимали Аркадия и дома, и в клинике. Сняли получасовой документальный фильм, потом показали и в России, и на русском канале в Америке.

После этого Аркадия в клинике стали называть «кинозвездой». Он улыбался в ответ так, словно ему было неловко, что оказался в центре всеобщего внимания. Из-за него – столько-то шума.

Все-таки редкий человек!

ВETERAN ШЕЛЛИ: ВОЙНА, КОТОРАЯ ВСЕГДА С ТОБОЙ

Шелли – худощавый, высокорослый американский еврей, с крючковатым носом и густыми седеющими волосами, зачесанными назад. Он часто улыбался, но улыбка у него была с оттенком какой-то «вечной еврейской печали».

Каждое утро он приносил на работу свежий номер «Нью-Йорк Таймс». Круг его читательских интересов был широк: внешняя и внутренняя политика США, события в городе, культура.

Его дедушки и бабушки, сто лет назад иммигрировавшие в Штаты из еврейских местечек Польши и Венгрии, воспитывали своих детей в нравах и представлениях восточноевропейского еврейства. Родители Шелли, сохраняя традиции отцов, сдали своего единственного сына в ешиву. Шелли ешиву окончил, но религиозным не стал, в синагогу ходил только по большим еврейским праздникам.

Шелли был ветераном Вьетнамской войны. История, как он очутился в армии, тоже интересна и чем-то напоминает историю Виктора, – священника, который, если помните, тоже когда-то служил в армии США.

Вот, как это случилось с Шелли.

Он учился в колледже. Учился из рук вон плохо, потому что – секс, наркотики и рок-н-ролл. Не до учебы было. Однажды им с приятелем подвернулась халтурка. Неплохо заработав, они выпили, покурили травку и пошли в «Astroland» – знаменитый парк отдыха и развлечений в Бруклине.

Неподалеку от входа в парк стоял передвижной домик на колесах, где молодежь рекрутировали для службы в армию. Тогда шла война во Вьетнаме. Потехи ради веселые друзья заглянули в тот домик и поинтересовались, что требуется для того, чтобы стать защитником Родины. Им ответили: «Нужно, чтобы вы были физически здоровы и хотели служить в армии. Больше ничего». Ребята ответили, что они убежденные пацифисты и против любой войны. Пошли в парк кататься на каруселях. Потом купили еще виски и травку. Выпив и покурив, поняли, что готовы защищать Америку от всех ее врагов. Снова вошли в тот чудный домик. Предъявив водительские права, как удостоверение личности, заполнили анкеты на службу в армии и расписались. Человек в военной форме, пожав им руки, поблагодарил за проявленное гражданское мужество и патриотизм.

На следующее утро у Шелли раскалывалась голова после выпитого

накануне виски и выкуренной травы. Он думал только о том, как бы «подлечиться». Не до войны ему было. Про заполненную анкету он и вовсе забыл.

Несколько недель спустя почтальон принес ему повестку, где было сказано, что Шелли должен явиться в призывной пункт такого-то числа, чтобы обсудить подробности его будущей военной службы.

Родители – понятно, в шоке. В не меньшем шоке и пацифист Шелли. Но что можно было сделать? Анкета ведь заполнена его почерком, внизу стоит его подпись. Если бы Шелли отказался и не пришел в назначенный день, то его под угрозой тюрьмы забрали бы все равно – но в пехоту. А так он имел право выбрать себе род войск.

Он выбрал медицинские войска, утешаясь тем, что ему не придется стрелять.

Через полтора месяца Шелли уже был в учебке, где его обучили азам работы боевого санитаря. Еще через три месяца отправили во Вьетнам...

Смешная история, не правда ли?

Но очень скоро комический жанр сменился трагическим.

С первых же дней Шелли столкнулся с ужасами войны. Вооруженный пистолетом, он выносил с поля боя раненых солдат, колол им морфий, перевязывал им раны. В полевом госпитале помогал во время операций. Чтобы выжить, стрелял из пистолета во врагов – вьетнамских солдат, но не знает, убил ли кого-то из них. Попадал под артобстрелы, был контужен...

После контузии его демобилизовали.

В армии Шелли пил алкоголь и глотал наркотические таблетки, чтобы не сойти с ума. Еще бы! Каждый день видеть кровь, раны, обрубки человеческих рук и ног, трупы. А вернувшись домой, он стал пить и *торчать* по-настоящему. Он был психически поломан и не знал иного способа, как справиться со своей покалеченной психикой.

В те годы в Штатах еще не было такого количества лечебных центров для ветеранов войны, как сегодня. Тогда мало знали, как связан пережитый

травматический опыт с наркозависимостью.

...Шелли пил и употреблял наркотики более десяти лет. Попадал в психиатрические лечебницы. Посещал психотерапевта. Ходил на ветеранские собрания «Анонимных Алкоголиков». Ходил и в синагогу в надежде, что религия поможет. Срывался, опять пил и нюхал. С большим трудом, в итоге, выкарабкался из этой ямы.

Да, дорого ему обошлось катание на каруселях в парке «Astroland»!

– Что ж, так сложилась моя судьба. Но я ни о чем не жалею, – говорил мне Шелли, когда мы, купив кофе, прогуливались с ним во время ланча по улицам. – Зато на войне я приобрел бесценный опыт, стал смотреть на многие вещи иначе. Конечно, все это было тяжело пережить, потом пришлось бороться с депрессией, пост-травматикой и алкоголизмом. Но я научился прощать людей, понимать их слабости, их боль, все то, что мне довелось испытать самому, – поправив очки на крючковатом носу, он смотрел куда-то вдаль. – Знаешь, Пит, что я понял: от психологических травм войны лучшее средство – алкоголь. Алкоголь обезболивает то ужасное прошлое, которое всегда с тобой. Это прошлое не оставляет тебя в покое, война никогда не заканчивается в твоей душе. Годы, десятки лет, ночью и днем ты должен воевать – под грохот взрывов выносить раненых. И лучше всего на эту войну идти после выпитой бутылки виски. Плохо то, что утром начинаются ломки, приходится опять пить. Потом снова тяжелая депрессия... Я где-то читал, что в Штатах каждый день совершают суицид двадцать ветеранов. Задумайся: сегодня закончится еще один день, это значит, что еще двадцать ветеранов в стране покончат с собой. Трудно себе такое представить! Ты никогда не звонил в госпиталь для ветеранов? Нет? Позвони туда, автоответчик сразу сообщит дополнительный номер «Горячей линии» на случай, если у тебя сейчас суицидальные мысли и ты хочешь уйти из жизни. Я когда-то звонил по этому номеру...

Беседуя с Шелли о войне, я думал о том, что я ведь тоже мог попасть на войну в Чечне, когда служил в армии. Шанс был. Несколько ребят из нашего батальона туда забрали. Были и такие солдаты, кто сам просился туда, писали заявления.

Пропаганда работала, нам каждый день вливали в уши, что чеченцы – враги, что им помогают американцы.

Я не просился на войну. Но если бы отправили туда, был бы рад! Мне тогда было девятнадцать лет, и я был так же «зомбирован» пропагандой, превращен в робота, как и большинство моих армейских товарищей. А еще, по молодости, хотел быть героем.

В Нью-Йорке мне приходится лечить и русских пациентов, воевавших когда-то в Афганистане и Чечне. Недавно пришел русский парень, воевавший в Украине. Наркоманами и алкоголиками все они стали либо на войне, либо вскоре после возвращения домой. Они говорят точно то же, что и Шелли: алкоголь и наркотики помогают им «каждый день идти на войну». Они мало чем отличаются от американских ветеранов: для них война все еще продолжается.

Слушая их, я невольно думаю о том, что мне повезло: я не попал на войну. Сия чаша меня миновала.

xxx

В нашей клинике Шелли был лечащим наркологом пациентов-ветеранов, участвовавших во Вьетнамской, Иракской и Афганской войне.

Помню вопли и ругань пациентов в его кабинете: «Fuck all! Я застрелю эту суку! Куплю M-16 и перестреляю в том департаменте всех тех еб...ых бюрократов!»

Сколько раз мы с Лизой или другими наркологами в таких случаях подходили к его кабинету, решив, что пора спасти нашего Шелли и срочно

вызывать полицию. Открывали дверь: там в позе «ружье наизготовку» стоял взбешенный пациент и орал: «Убью!.. Застрелю!», не обращая на нас никого внимания.

Мы жестом спрашивали Шелли, звонить ли «911»? Он нам в ответ – тоже жестом – спокойным, но решительным, давал понять: не надо куда звонить, ситуация под контролем.

И действительно: через некоторое время пациент успокаивался.

– Раскрой секрет: как тебе удается держать их в рамках? – спрашивал я его.

– Никакого секрета, – отвечал Шелли. – Просто всегда стараюсь помнить, ЧТО этому человеку довелось пережить.

Каждому пациенту он уделял время по максимуму, даже больше положенных сорока пяти минут индивидуальной сессии.

Наверняка, его такой «непрофессиональный» подход – большая трата драгоценного рабочего времени на каждого пациента – раздражал Франческу. Еще бы! – нарушалась работа «конвейера». Но я ни разу не видел, чтобы Франческа делала ему замечания по этому поводу. Более того, было видно, что она считает Шелли большим авторитетом. Она нередко заходила к нему в кабинет и надолго там оставалась. А Шелли закрывал дверное окошко картонной табличкой «Не беспокоить! Идет сессия!» Будто бы там и впрямь проходил сеанс психотерапии.

Вскоре я узнал, что сын Франчески, наперекор воле родителей, пошел служить в армию, простым солдатом.

Однажды Франческа вышла из кабинета Шелли с красными от слез глазами – ее сына отправили в Афганистан.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ. НЕ ВЕРЮ!

Помимо проведения психотерапевтических сессий, каждый нарколог в клинике занимался приемом новых пациентов. Вот как это происходило.

Я приглашал в кабинет очередного пациента, сидевшего в зале ожидания. Он входил, держа в руках старую сумку, что означало: только что из тюрьмы, освобожден досрочно, отправлен на принудительное лечение и жить ему негде. Денег у него нет, работы тоже, родные и близкие от него отказались. Только список судимостей и старая сумка с вещами. Вот и весь жизненный багаж. А внизу, под зданием клиники, его уже ожидал микроавтобус, чтобы везти в дом трезвости.

Я задавал пациенту вопросы по вопроснику: какой наркотик и в каких дозах Вы употребляли? Какое у Вас образование? Работали ли Вы когда-либо? и т. д. Затем мы отправлялись с ним в уборную для токсикологического теста. А в зале ожидания уже нетерпеливо барабанил пальцами по коленям новый, только что прибывший.

Неподдельное удивление у меня вызвали ответы на вопрос об образовании. Подавляющее большинство пациентов, вне зависимости от их цвета кожи, не имели школьного аттестата. Не может быть! В «столице мира»? В Америке? В стране с самыми передовыми технологиями, где в университетах собраны лучшие мозги со всего мира? В Америке, заваленной компьютерами, где едва ли не каждый день делаются научные открытия?!

Быть может, в американских университетах и собраны великие умы, и вручают светилам науки премии, и компьютеры сегодня стоят едва ли не в уборных. Но со всеобщим образованием это никак не связано. Поначалу я удивлялся, когда пациент говорил, что из обязательных двенадцати школьных классов закончил только десять или одиннадцать. Это казалось странным, диким. Прошло немного времени, и пациент со школьным аттестатом уже вызывал у меня неподдельное удивление, даже восхищение: «Вот молодец! Вот так да – сумел окончить среднюю школу!» Ну, а ежели вдруг встречался кто-то с одним или двумя семестрами в колледже, такого уже можно было считать Эйнштейном!

Но отсутствие образования было не самое значительное среди моих открытий.

Это был бесконечный поток горя. Горя, которое не кричало, не рыдало и не заходило в истерику. Это было горе иного порядка: оно имело суровое лицо в шрамах, с выбитыми или сгнившими зубами, с руками в наколках и порезах от ножей, с огнестрельными ранами на теле. С полностью разорванными семейными связями. С посадками за грабежи, торговлю наркотиками, за квартирные и магазинные кражи. При полном отсутствии какого-либо трудового стажа. Без какой-либо специальности. С различными хроническими болезнями.

Поначалу подобные пациенты вызывали у меня сочувствие: всё в их жизни переломано и перекалечено, никакого просвета. Я внимательно их выслушивал, обещал куда-то позвонить, что-то разузнать. Но поток не иссякал. Со всех тюрем штата, из судов, *детоксов* и психбольниц ехали в клинику люди со старыми сумками.

На моем столе зловеще росла гора незаполненных бумаг. На стул передо мною садился один пациент за другим. Я не запоминал ни их лиц, ни имен.

- Какие наркотики Вы употребляли?
- Кокаин.
- А траву?
- Да, и траву.
- Пили?
- Да.
- Какие у Вас медицинские проблемы?
- Гипертония, кажется.
- Образование?
- Одиннадцать классов.
- Имеете родственников?
- Бывшая жена и сын. Никаких контактов с ними нет.
- За что были судимы?
- За воровство.

- И за хранение наркотиков?
- Да, и за хранение наркотиков.
- Специальность?
- Никакой.

И так, бегом, уже галопом, вопрос – ответ, «галочки», «крестики» в пустых квадратиках. Нет времени посмотреть в глаза.

Мне тогда часто казалось, что это не я, а кто-то другой в моем облике, сидит в этом кабинете за столом и задает одни и те же вопросы мелькающим перед ним людям.

Основательно нарушился мой сон: сновидения превратились в мешанину двигающихся серых фигур. И вдруг сквозь чье-то невнятное бормотание, гремел мой голос: «Сэр, идемте сдавать мочу!» (Let`s go to take your urine, sir). Это были мои первые сны на английском языке...

О токсикологическом тесте, пожалуй, расскажу отдельно. Уж больно он необычен и даже драматичен, поэтому заслуживает отдельной главы. Пока же опишу, как это происходило в той клинике, и почему фраза «Сэр, идемте сдавать мочу» вторглась в мои сны.

Итак: пациент в уборной сдает наркологу баночку со своей мочой. Нарколог опускает в эту баночку белую пластиковую палочку с обозначением на шкале-индикаторе различных наркотиков. В том случае, если моча «грязная», на индикаторе в течение нескольких минут появляется красненькая полоска напротив названия определенного наркотика. Позитивный результат или негативный. Чистый или грязный.

И от этой тоненькой красненькой полоски зависит... О, как много зависит от этой полоски, трудно даже себе представить! Зависит будущее. Завтрашний день. Да нет же, день сегодняшней!

Правила были очень строгими: «грязного» пациента из дома трезвости сразу выгоняли. И тогда ему уж точно жить было негде, разве что в какой-либо ночлежке или просто на улице. А в прокуратуру из клиники поступал звонок, что такой-то пациент употреблял наркотик. За это ему грозила

тюрьма.

Удивление у меня, однако, вызывало не только то, что этих людей не останавливала тюрьма. И даже не то, что это совершенно не согласовалось с их трибунными речами о пользе трезвости. Поражало другое: практически все они уверяли и меня, и друг друга, что они «чистые». Не моргнув глазом, не дрогнув ни одним мускулом лица:

– Да, доктор. Даже забыл, как тот проклятый кокс нюхать. И не хочу помнить, гори он синим пламенем!

Затем мы шли в уборную и...

Первое время я не верил своим глазам – почему? Откуда красная полоска?

– Сэр, у Вас позитивный результат на кокаин.

– Да, док? Не может такого быть!

Я брал новый тестер, снова окунал его в баночку. Быть может, «техническая» неполадка? Может, тестер плохого качества?

Пациент стоял рядом и задумчиво смотрел, как и на другом тестере снова медленно проступает красная полоска.

Я вскидывал брови:

– Сэр, у Вас все-таки позитивный результат на кокаин.

– Да, док? Неужели? Что Вы говорите...

Словом, поток горя сливался с потоком лжи.

Я уже понимал – не нужно верить своим ушам. Уши – ненадежное средство для определения честности. Язык – тоже сомнительное средство. Слова ничего не стоят, грош им цена. Только глаза. Глазам можно верить. Глаза не врут.

Красная полоска – это правда, верить можно только ей. Она – мерило всего. Проступила красная полоска – нет этому человеку доверия. И нет у него будущего. Ему дорога – в тюрьму. Не проступила – значит, человек чист. Чиста его совесть. Такому можно верить.

Сегодня можно. А завтра?..

Разделила тонкая красная полоска мир – на чистых и грязных, на позитивных и негативных, на тех, у кого есть будущее, и у кого его нет.

xxx

Менеджером в тех домах трезвости был афроамериканец лет сорока, по имени Джим. Сам «из бывших», Джим не так давно закончил лечение и начал свою профессиональную карьеру.

Это был злой, дерзкий человек, который после долгих лет унижения получил власть над себе подобными, такими же, каким вчера был он сам. Из грязи в князи. Джим отвратительно лебезил и пресмыкался перед персоналом клиники, зато с высокомерием и грубостью обращался с пациентами, норовя всякий раз их унижить, напомнить, что они – никто и ничто. Кричал на них, подгонял, чтобы живее выходили и садились в микроавтобусы, словно гнал скот. Точно так же самоуправствовал в домах трезвости, назначая своими подручными (их называют сержантами или капитанами) тех, кто ему нравился и так же рвался во власть. В обязанности Джима входила и процедура изгнания из дома трезвости тех, кто был уличен в употреблении наркотиков или нарушении правил общежития, что он исполнял с жестокостью полиция.

Франческа демонстративно держалась подальше от верного пса Джима, уж больно он был одиозен, но, подозреваю, его работой была довольна, ценила его за преданность и готовность служить.

Пациенты Джима ненавидели. Однако их малейшее возмущение по его адресу трактовалось как бунт, и бунтаря тут же выгоняли на улицу.

Пациенты часто жаловались на самоуправство Джима и на чудовищные бытовые условия в домах трезвости. Кроватей там не хватало, спали на полу, на матрасах; отопление и кондиционеры работали плохо. В тех чудных домах обитали сонмища тараканов, клопы и прочие насекомые. И хвостатые мышки.

Ушам своим я уже не слишком доверял. Но пациенты задирали свитера и футболки, показывая на теле кровавые волдыри от укусов клопов. Глазам приходилось верить.

Разумеется, там процветало воровство – воровали деньги, плееры, мобильные телефоны. Помимо прочего, все страдали от невозможности уединиться, от отсутствия личного пространства. Не все следили за личной гигиеной. И над всем этим – самоуправство Джима с его сержантами и капитанами. Словом, это было еще то лечение...

На меня пациенты смотрели, как на чудака. Русского чудака, который ни черта не смыслит ни в наркоманской, ни в тюремной, ни в уличной жизни. «Книжный умник. Еще и пытается нас чему-то учить». Впрочем, видя мое сочувствие их нуждам, старались быть со мной повежливей.

Как защитник униженных и оскорбленных, я шел к нашей очаровательной директрисе, вернувшейся из очередного бутика с ворохом модных тряпок. Говорил ей, что условия в домах трезвости архиплохие. Нужно что-то делать...

Франчи моргала прелестными глазами. Она только что – из волшебного мира, там шелка, кожи, меха. Музыка, примерочные, зеркала. А тут какие-то поломанные кондиционеры, мыши, клопы... Фи.

Франческа обрывала меня на полуслове и говорила, что она обо всем знает, и меры уже принимаются. Напоминала, что я все-таки не домоуправ, а нарколог, и должен заниматься лечением больных. Вскользь замечала, что бытовые и ремонтные услуги нынче стоят дорого, а зарплату хотят получать все сотрудники. Наш разговор обычно на этом заканчивался.

Расставшись с Франческой, я высказывал свое недовольство Лизе. Но и она не всегда брала мою сторону:

– Да, ты прав. Франчи, конечно, жадная сука, на всем экономит. Но тебе не кажется, что пациенты тебя водят за нос? Они ведь специально переключаются на другие темы, лишь бы не говорить о наркотиках. Они готовы тебе рассказывать про все на свете, о клопах и мышах. Всю душу

вывернут перед тобой наизнанку. Но только о наркотиках будут молчать. Им про это говорить стыдно, страшно, непривычно. Они эту тайну прячут ото всех. Поэтому и грузят тебя бытовухой. Понял?

...Я уже не сомневался, что совершил ошибку, выбрав эту профессию. Не знал, кого винить: себя? Франческу? пациентов? Все чаще меня охватывала растерянность, отчаяние. Я совершенно не понимал этих людей. Не видел никакой пользы в том, чем занимаюсь.

Я пытался применить знания из своего жизненного опыта, связанного с пьянством отца, соседей и друзей в России, но почему-то это не работало.

Уйти? Бросить? Выбрать другую специальность? А может, вернуться в Россию? В Россию, в Россию... Там все знакомо, все родное, даже пьянство. Перед моим мысленным взором часто возникал яблоневый сад возле нашей «хрущевки». Ветки яблонь доставали почти до окон нашей квартиры на втором этаже. Летом я спал на балконе, на скрипучей раскладушке. Вдыхал запах яблонь. По утрам слушал пение птиц, кутаясь в шерстяной плед. Ах, как хорошо мне было, как хорошо!..

Но наступало американское утро нового рабочего дня. Смыв под душем ночные кошмары, я быстро одевался и мчался к автобусной остановке.

Тогда я еще не понимал, что столкнулся с «тяжеловесами», самыми сложными пациентами – наркоманами из криминального мира, вдобавок еще и бездомными. Крутые парни. Круче не бывает.

Откуда же мне было знать, что в блестящем, великолепном Нью-Йорке, помимо бодреньких биржевиков на Уолл-стрит и беззаботных туристов на Таймс Сквер, существует целая армия несчастливых парней, по разным причинам очутившихся на самом дне. Речь идет не об одиночках – о десятках тысяч.

Система направляет их по трем каналам: в тюрьмы, нарко- и психлечебницы и дома трезвости. Если кто-то из этой Системы выпадает и, очутившись на улице, начинает снова употреблять наркотики, грабить и воровать, то обычно это длится недолго: выпавшего вскоре подбирают и

погружают обратно, в один из каналов. Эти люди практически полностью утратили навыки человеческого общежития. Сравнительно немногим из них удается выкарабкаться.

По сей день удивляюсь, почему я тогда не хлопнул дверью и не ушел из наркологии навсегда? Какие силы меня удержали?..

ПОВОРОТ СУДЬБЫ

Неизвестно, как долго бы я терзался сомнениями и к чему бы они привели. Ситуация разрешилась самым неожиданным образом.

А началось все с... обыкновенной зубной боли. Мой коренной зуб стал сильно отравлять мне жизнь. Побаливал он давно, но заняться им было недосуг. Теперь же боль стала нестерпимой.

Дантист, сделав рентгеновские снимки, вынес приговор: нужно удалять нерв и ставить коронку. Еще обнаружилось, что подгнивает верхнечелюстная кость. Требовалась операция.

Медицинская сторона проблемы, однако, меня испугала гораздо меньше финансовой. Стоило дантисту назвать цену за коронку и операцию, как зуб тут же перестал болеть. Увы, ненадолго.

На работе нас обеспечивали медстраховкой, но она была плохонькой, многие врачебные услуги и лекарства не оплачивала, как не оплачивала и услуги дантиста.

...Когда-то, еще в России, я читал книгу Владимира Лобаса «Желтые короли Нью-Йорка». Роман о нью-йоркских таксистах. Увлекательная книга, в девяностые годы в США попала в список бестселлеров, а в России была издана миллионным тиражом! И в России, и в Америке ее читают по сей день.

Герой книги – иммигрант из России, работал в Нью-Йорке журналистом на радио «Свобода» и горя не знал. Неожиданно у него заболел зуб, а медстраховки не было. Пошел к дантисту и... для того, чтобы раздобыть

деньги на зубные коронки, стал подрабатывать водителем «желтого» такси. Он до того увлекся новой работой, что, бросив радиожурналистику, от зари до зари крутил баранку. Стал миллионером, боссом целой корпорации такси! Правдивая книга, судя по всему, автобиографическая.

Единственное, что мне в том романе тогда не понравилось, это повод, из-за которого герой так круто поменял свою жизнь: уйти из мира журналистики, с престижного радио «Свобода», в мир грубых шоферюг и диспетчеров! И все это из-за какой-то зубной боли? Слишком банально. И неправдоподобно.

И вот теперь, спустя пятнадцать лет после прочтения этой книги в России, я сидел в своей крохотной квартирке в Нью-Йорке, быть может, на той же улице, где когда-то жил тот «желтый король». Сидел с распухшей левой щекой и, глотая аспирин, хмуро подсчитывал, на чем смогу сэкономить и сколько времени мне понадобится, чтобы собрать нужную сумму на коронку и операцию...

Чем была хороша Франческа, так это своей справедливостью. Ни для кого из сотрудников не делала исключений – эксплуатировала всех одинаково. Из каждого, как могла, выжимала пот по максимуму и платила каждому, как могла, по минимуму. Сотрудники роптали, грозились уйти в другое место, где больше платят, но за все это время из десятирех наркологов ушел только один Боб⁵.

...О, не ходите к своим боссам по такому ужасному поводу! Не мучьте их! Не отравляйте им жизнь! Вы же знаете, как вытягиваются их лица, какое смертельное уныние отображается в их глазах, когда вы просите у них поднять вам зарплату. Кто на Земле, скажите, несчастнее их в этот момент?!

Я вежливо напомнил Франческе условия моего приема на работу: когда она, подписывая со мной контракт, пообещала вернуться к разговору о моей зарплате через год. С тех пор, говорил я, прошло почти два года, и самое время этот щекотливый вопрос обсудить.

Франчи смотрела на меня, качая своей чудной головкой с новой

стрижкой. Ее темно-сиреневая блузка гармонировала по цвету и фасону с ее темным пиджачком.

Ее глаза заволокла искренняя печаль:

– Питер, дорогой, ты же знаешь, что я люблю тебя...

Я с удивлением посмотрел на нее. Неужели ослышался? «Питер, дорогой... я люблю тебя...»

– Но сейчас, – продолжала она, – клиника переживает тяжелые времена. Ты себе не представляешь, как трудно вести этот бизнес, конкуренция сумасшедшая. Извини, не могу. Не могу поднять тебе зарплату даже на доллар...

Ах, так?! Сегодня же куплю себе новый костюм и новые рубашки! Составлю новое резюме! Буду врать на интервью, врать, что я специалист с большим стажем, что работал с наркоманами еще в России и знаю, как эту проклятую болезнь лечить!

...В Америке существует замечательная традиция: дарить уходящему с работы открытку, где сотрудники на прощанье пишут ему свои пожелания.

«Удачи тебе, Пит, на новой работе! Не забывай нас, звони! Верю в тебя!» Торт, пицца, пепси-кола.

Помню задушевный прощальный спич Франчески, теплое рукопожатие Аркадия, солдатское объятие Шелли, заплаканные глаза Лизы.

Прощаясь с ними, я подумал о том, что вся наша жизнь состоит из случайных встреч. И эти, как будто случайные, встречи создают нас, открывают в нашем сердце новые глубины, делают нас теми, кем мы должны были стать...

А ту открытку с пожеланиями удачи храню по сей день.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Амбулаторная клиника, где я теперь работал, входила в состав

госпиталя в Бронксе. Вот так подфартило! Моя нынешняя зарплата была на порядок выше той, что получал на прежнем месте, предоставлялась и отличная медстраховка. Клиника, правда, находилась не в главном здании госпиталя, а в районе, где проживали малоимущие.

Дело в том, что этот район все больше заселяли русскоязычные иммигранты. Соответственно, в наркологической клинике появился и новый контингент пациентов. Требовался нарколог, который бы мог работать и с русскими, и с американцами.

Теперь у меня был отдельный кабинет и не такие сумасшедшие нагрузки. Во всяком случае, исчезло ощущение потока, когда пациенты воспринимались бревнами на лесосплаве. Появилась возможность присматриваться к ним внимательней, прислушиваться к их словам.

Правда, в этой клинике существовала другая проблема. «Политика» – так называется это отвратительное явление в медицинских учреждениях США: бесконечные сплетни, наущничество, подсиживания друг друга, война за должности, за благосклонность начальства. Постоянно создавались различные блоки, враждовавшие между собой, существовала оппозиция администрации и группа лояльных. Такова была, как говорится, рабочая атмосфера.

Тем, кто не хотел участвовать в этой мышинной возне, приходилось, закрыв дверь своего кабинета, завешивать окошко табличкой: «Идет сессия. Просьба не беспокоить!»

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО

Очаровательная Римма

Римма была моей первой пациенткой. До сих пор я имел дело только с крутыми парнями, пришедшими лечиться не по своей воле, а по воле судей и прокуроров. И вдруг – дама.

Сказать, что Римма была красива, значит, ничего не сказать. Еврейка, родом с Кавказа, она была великолепно сложена и дьявольски обаятельна. В клинику обычно приходила в стильном джинсовом костюме. Я не специалист по размерам женских бюстгалтеров, но могу смело утверждать, что Римма носила лифчики не самых маленьких размеров. Жаль, что столь привлекательная от природы девушка изуродовала себя увесистыми силиконовыми сиськами. Римма танцевала в одном из Манхэттенских стриптиз-клубов.

От меня ей нужно было письмо в суд, где судья в скором времени должен был решить, может ли она видеться со своим ребенком, и если да, то как часто. Ее пятилетний сын тем временем жил у мужа, который подал на развод и добивался, чтобы Римму лишили материнских прав.

Признаться, в те времена, чтобы как-то скоротать одинокие вечера и скрасить холостяцкое житье-бытье, я порой заглядывал в стриптиз-клубы. Там, в ласках женщин, влекущих куда-то в сумрак зала, было легко забыться, поверить, что мир полон нежности и тепла...

Мое знакомство с Риммой произошло как раз тогда, когда я принял решение оставить пагубную привычку посещать стриптиз-клубы, где пленительные дамы чрезвычайно искусно опустошали мои карманы. Так что встреча с Риммой стала для меня испытанием вдвойне.

Она часто ездила с бой-френдами отдыхать, нюхала кокаин, пила. Правда, еще не скатилась на самое дно. Дно? О чем вы говорите? Римма производила впечатление беззаботной, почти счастливой молодой женщины. Правда, не имела ни высшего, ни даже законченного школьного образования. Считала себя немного бестолковой и безалаберной. Муж, по ее словам, был редким занудой, говорил только «правильные» слова и был озабочен исключительно бытом. А Римме хотелось огня, света, музыки, сумасшедшей любви...

Что поделать, она легко влюблялась, с очередным кавалером отправлялась в сладкое путешествие, отрывалась в ресторанах, шикавала в

отелях, но вскоре кавалер почему-то смотрел на нее как на обычную, извините, блядь. И прогонял.

Она была очень ранима. Разрывы с мужчинами переживала болезненно. Как-то раз мне позвонили из отделения «Скорой помощи» госпиталя, чтобы подтвердить информацию о Римме. Оказалось, что после того, как ее бросил очередной ухажер, она напилась и обкурилась, залезла на крышу 22-х этажного дома и танцевала там на самом бортике...

От меня ей нужна была бумага для суда, больше ничего. Просила написать, что она «хорошая и чистая». Надеялась, что судья разрешит ей видеться с сыном в любое время, без всяких ограничений. А муж утверждал, что она – *активная наркоманка*, и ее к ребенку вообще нельзя подпускать.

Ах, какое шоу она устраивала в моем кабинете во время сессий! Стул, правда, – не сцена в стриптиз-клубе. Поэтому ей приходилось ухищряться, не вставая со стула: выгибала свое тело так и этак, наклонялась, соединяя локти на груди, бесконечно поправляла шлейки лифчика...

А я, глядя на нее, словно переносился в грохочущий зал стриптиз-клуба, в зал чарующих улыбок и шелковистой кожи женских бедер. Короче, боролся со своим безумием тоже.

Однажды Римма расплакалась – искренне, горько – оттого, что все так плохо в ее в жизни, что она никудышная мать, но сын для нее дороже всего на свете, и если она не сможет его видеть, то этого не перенесет.

– Но ты же нюхаешь кокаин. И пьешь водку, – сказал я, не в силах отвести глаз от ее грудей, выпирающих из-под маечки. – Подумай, как это может отразиться на твоём ребенке.

– Да, иногда нюхаю, врать не буду, – призналась она. – Но порой так сильно хочется... Ты ведь меня понимаешь. Ты ведь тоже когда-то торчал.

– Да, было дело... – глубокомысленно ответил я, втайне обрадовавшись, что меня признали «своим». Значит, я уже кое-чему научился, могу сойти «за своего». Я – ваш! Не стыдитесь меня! Будьте со мной откровенны!..

– Не ври, Пит! Я уверена, что ты даже не знаешь, как выглядит пакет

кокаина! Как же ты можешь меня чему-то научить? Еще и врешь!

Когда говорят, что от стыда горят кончики ушей, это не аллегория. Это правда. Из всех известных проявлений стыда самый мучительный – когда горят кончики ушей. Не смотрите в глаза, чтобы понять, испытывает ли человек стыд. Смотрите на его уши!

Пристыдив меня, Римма снова принялась «танцевать» на стуле.

– Ты хочешь бумагу в суд? Хорошо. Тогда сдай сейчас мочу для токсикологического теста, – твердо сказал я.

Она взглянула на меня с некоторым напряжением:

– Не могу. Понимаешь, у меня... месячные. Когда у меня месячные, у меня сильно болит вот здесь, внизу живота, и я становлюсь очень нервной, раздражительной. Прости меня, если чем-то тебя обидела. Помоги мне – напиши мне хорошую бумагу...

(Пациентки, желая уклониться от токсикологического теста, часто прибегают к этой уловке – говорят, что якобы у них месячные – *авт.*)

Все-таки я сдался – написал ей письмо для суда. Все там наврал. Ведь и без того Римма несчастна. Если лишится материнских прав, что ей останется в жизни? Так думал я.

Римма была слишком легкомысленна. И на свою прогрессирующую наркоманию смотрела, как на очередное безобидное увлечение.

Впрочем, и я, еще «совсем зеленый», с умилением смотрел ей вслед, счастливо уходящей по коридору клиники с липовой бумагой в руке. Смотрел, честно признаться, и на ее роскошные бедра, которыми она так лихо, профессионально виляла.

Ни я, ни она не догадывались, куда лежит ее путь.

Спустя несколько недель она мне позвонила, радостно сообщив, что, благодаря моему письму, судья принял решение в ее пользу. Ей разрешено практически без ограничений видеть сына! Теперь она полностью изменит свою жизнь. У нее уйма «правильных» планов: получить GED (эквивалент школьного аттестата для оставивших школу до 12-го класса), сменить работу

стриптизерши на другую, пристойную, скажем, продавщицы в магазине; пойти на курсы косметологов. А потом отвоевать себе сына, чтобы жил вместе с ней.

Я пожелал ей удачи.

Последний раз я узнал о Римме года через три. В нашем госпитале было детоксификационное отделение, куда попадали наркоманы/алкоголики в состоянии ломок. Нашу амбулаторную клинику связывала с *детоксом* общая электронная система, поэтому каждый нарколог имел доступ к информации обоих отделений.

Однажды в списке новопоступивших в детокс пациентов я увидел имя и фамилию Риммы. Позвонил туда – убедиться, что это именно она, а не ее тезка-однофамилица.

Чудес не бывает – это была та самая Римма. Я побеседовал по телефону с наркологом из детокса, расспросил о ней. Сказал, что когда-то был знаком с Риммой, даже упомянул о ее необыкновенном шарме:

– Постараюсь завтра заглянуть к вам в детокс, чтобы повидаться с ней.

– Не на что там смотреть, – холодно отозвался коллега. – Лежит на кровати, тощая, вся в прыщах. Никакого шарма. Обычная потасканная шлюха из борделя.

xxx

Сказать ли, что Римма и сотни, тысячи ей подобных женщин – никудышные, дрянные матери? Что пакетик с наркотиком любят больше, чем родных детей? Что из-за таких горе-матерей дети попадают в Систему, где за ними наблюдают специальные работники из агентств по защите детей, где их дела бесконечно рассматриваются в судах, что из-за таких мамаш детей сдают в приютские семьи и детские дома?

Да, да, все это правда. Нельзя их прощать, нельзя жалеть. Пусть калечат свои собственные жизни – их право. Но детей-то за что?

И все же... Припоминаю и другую, похожую на Римму, итальянку Мелису. И русскую девушку Валю. И чернокожую Жасмин. Все они ходили по судам, где обещали, клялись, рыдали, умоляя судей не лишать их материнских прав.

Порой им разрешали брать детей к себе, на оговоренное время. Какой радостью тогда светились их лица! Иногда они приводили своих детей в нашу клинику, желая ими похвастаться.

Будущее этим молодым женщинам рисовалось в розовом цвете, и картинки у всех были схожи: они закончат лечение, никогда больше не будут заниматься проституцией, судьи полностью восстановят их материнские права. Потом, овладев нормальной специальностью, заберут детей к себе. Будут покупать им самую лучшую одежду, отдадут их в престижные школы и колледжи...

Они мечтали, как любят мечтать о будущем наркоманы, используя для своих картинок исключительно розовые краски, потому что в их прошлом и настоящем преобладали серые.

Увы, не всем из них удавалось пройти через ворота того нарисованного рая. После очередного срыва некоторые, отчаявшись, погружались в разврат и наркоманию глубже, чем прежде. Знаю одну, которая после лишения ее материнских прав, попыталась покончить с собой, – включила газ. К счастью, сосед уловил запах и позвонил «911». Приехали пожарные и «скорая». Девушка очутилась в сумасшедшем доме...

xxx

Некоторые коллеги-мужчины советовали мне: если есть такая возможность, лучше вообще не иметь среди своих пациентов женщин. Легче, говорили они, работать даже с отпетыми уголовниками, чем с женщинами, особенно молодыми и красивыми.

– Ты себе не представляешь, Пит, что они вытворяют, – делился со

мною нарколога по имени Эдвард. – Женщины... Никогда не поймешь, когда они врут, когда говорят правду. Мне кажется, они сами этого не знают. Они устраивают в твоём кабинете настоящий стриптиз. Нет, не обязательно раздеваются, хотя иногда пробуют делать и это. Они устраивают стриптиз душевный, стриптиз признаний и откровений, снимают с себя один наряд за другим. И когда думаешь, что этот наряд последний, стриптиз признаний закончился, оказывается, – еще нет, это только начало. А ты уже весь изнемог, уже хочешь ее, постоянно думаешь о ней, даже во сне ее трахаешь. Какое уж тут лечение, если у тебя на нее... – сжав кулак, Эдвард согнул в локте свою мускулистую руку.

В общем, все это вполне объяснимо: ведь нарколог остается один на один с молодой красивой женщиной, в кабинете за закрытой дверью. В течение психотерапевтических сессий пациентка проникается к нему доверием. Ну и неудивительно, что между ними возникает интим.

Между прочим, интимная связь нарколога с пациентом в Америке считается очень серьезным профессиональным нарушением. За это могут не только уволить с работы, но и лишить врачебной лицензии.

В нашей клинике за секс с пациентами двух сотрудников уволили и лишили лицензии.

xxx

Молодые, красивые пациентки стали и для меня большим соблазном.

Я хотел им нравиться. Мне хотелось их впечатлять своим образованием, умом, джентльменскими манерами.

Конечно, я не уставал им повторять, что наша общая цель – их лечение. Да-да.

Порой, сидя с молодой пациенткой в своём кабинете и беседуя с ней, я ловил себя на мысли, что флиртую с ней! Отпускаю двусмысленные шутки, делаю какие-то туманные намеки.

Пациентки быстро угадывали, с каким «крутым профи» имеют дело. Начинали мне подыгрывать, отвечали на мои шутки и любезности, приходили на сессии в такой одежде, что их тут же можно было фотографировать для порно-журнала. Словом, тоже хотели мне нравиться. Почему бы нет? Мне можно, а им – нельзя?

При этом я отдавал себе отчет, что смотрю на них как на падших, потерянных женщин.

Я стал задумываться: откуда берется это желание постоянно флиртовать? Почему меня всегда тянет к определенным женщинам? Потому ли, что они легкодоступны? И вообще: что за сила вечно уводит меня с прямой дороги в темные переулки, где меня ждут только новые проблемы?!

Я припомнил свои связи с женщинами в России. Когда-то во время учебы в институте я встречался с однокурсницей. Она была отличницей, собиралась после института поступить в аспирантуру. Хотела выйти за меня.

Но меня почему-то потянуло к другой, отчаянной и веселой: она работала диспетчером в фирме «девочек по вызову» – принимала заказы от клиентов. Ее муж сидел в тюрьме за грабеж, а ребенка воспитывали ее родители. Это с ней мы решили открыть магазин по продаже одежды «секонд хенд». И я тогда бросил институт на четвертом курсе.

В сексуальном отношении мы идеально подходили друг другу. Мы часто с ней ездили отдыхать на курорты, иногда закатывали шумные вечеринки с ее подружками-проститутками. Бизнесом мы практически не занимались, тратили денег больше, чем зарабатывали.

Мои родители были против этой связи, умоляли меня расстаться с ней. Мне тоже не нравилась жизнь, которую я вел, я знал, что эта женщина мне не пара. И она тоже это знала. Но мы все равно оставались вместе, продолжая бездумно тратить деньги и эмоционально мучить один другого.

Лишь после того, как мой дед, которому жить оставалось считанные дни, попросил меня прекратить эти отношения и я ему пообещал сделать это, мы с ней расстались...

И вот теперь я очутился в похожей ситуации в Нью-Йорке. С существенной разницей – теперь это были не мои любовницы, а пациентки.

Понадобился не один год, чтобы я избавился от дурной манеры флиртовать с пациентками и не старался им нравиться.

А самое главное – чтобы перестал их презирать.

xxx

В любой наркологической клинике, можно смело утверждать, представительниц прекрасного пола гораздо меньше, чем мужчин. С чем это связано?

Скорее всего, с тем, что по своей природе женщине все-таки в большей степени, чем мужчине, присуще чувство долга и ответственности перед собой и семьей, и это удерживает ее от опасных увлечений

Бытует мнение, что в борьбе с наркозависимостью женщины более успешны, чем мужчины. Пожалуй, это правда. При всей своей жажде драм, женщины БОльшие реалистки, чем мужчины. Им удастся создать прочную внутреннюю основу. Когда приходит их время и они готовы бороться, их решительность поражает. Немало моих бывших пациенток остаются чистыми уже долгие годы. Вышли замуж, работают, воспитывают детей.

В то же время, женская наркомания страшнее мужской, хотя бы потому, что женский организм от наркотиков/алкоголя разрушается сильнее и быстрее, чем у мужчины. А эмоциональные последствия – просто катастрофические. Ведь если мужчина добывает деньги на приобретение наркотиков воровством или грабежами, то для женщины самый легкий и распространенный путь – торговать своим телом.

А денег нужно много, ох, как много – крэк или героин стоят нынче дорого, и цены на них не падают даже в праздники.

Некоторые наркоманы тратят на наркотики СТО долларов – В ДЕНЬ. Некоторые – двести. Встречаются и рекордсмены – до трех сотен спускают!

А тот, кто торчит на крэке, может в день и тысячу потратить.

Да, мы знаем, наркоманы – сочинители и фантазеры, любят приукрашивать свои геройства, чтобы произвести впечатление на окружающих. Себя они тоже любят впечатлять. Тем не менее, эти цифры – от ста до двухсот долларов в день на наркоте – реальные, ничуть не преувеличенные.

Где такие деньги брать? Работать, употребляя наркотики, не получается. Работа мешает. Вот и подсчитайте, сколько раз женщина должна себя продать в день, в час, чтобы находиться под кайфом.

Не располагаю точными расценками на услуги нью-йоркских проституток. К тому же бизнес этот весьма разнообразен: от престижных эскорт-сервисов, когда речь идет о тысячах долларов, до самой грязной уличной проституции в нищих районах Нью-Йорка, где разовая секс-услуга, говорят, стоит двадцать долларов.

Но любой род проституции почти всегда связан с употреблением наркотиков. Во-первых, в одурманенном состоянии этим заниматься не так противно. Во-вторых, клиенты часто хотят, чтобы вызванная мадам вместе с ними красиво пила и иногда нюхала.

В клиниках девушки очень стыдились своего ремесла, старались о нем прилюдно не упоминать. Зато между собой, бывало, спорили, какой род проституции – эскорт-сервис, стриптиз-бар или уличная проституция – менее позорный и более прибыльный.

По самому краешку

Большая часть известных мне женщин-наркоманок, вне зависимости от национальности или страны, откуда они были родом, в отрочестве и ранней юности претерпели разного рода сексуальные надругательства.

Повлияли ли эти психологические травмы на их дальнейшую судьбу, на то, что они пристрастились к наркотикам? Вне всякого сомнения. Такие

травмы, однако, быстро не лечатся. Не порез на руке.

...Фрида – симпатичная девушка лет двадцати с небольшим, из ортодоксальной еврейской семьи. Окончив религиозную школу, поступила в колледж, но вскоре учебу бросила и очутилась у нас.

Ее наркомания еще не зашла далеко, но девушка определенно «имела проблемы»: время от времени употребляла кокаин, продавала таблетки. Конфликтовала с родителями, но, что еще хуже, – постоянно заигрывала с мужчинами. В клинике она непрерывно флиртовала с пациентами, с некоторыми из них спала.

Казалось, Фрида хочет доказать себе и всем, что может нравиться мужчинам. И, доказывая это, разрушает себя. Мы, наркологи, предполагали, что Фрида пережила какой-то травматический опыт, связанный с сексом, но она это отрицала.

Мы пытались примирить Фриду с родителями, советовали ей восстановиться в колледже, устроиться на работу, заняться йогой, чем-то полезным. Все без толку.

В клинике существовала хорошая традиция – устраивать для пациентов культурные выходы: водить их в кино, на концерты, дискотеки. Чтобы они, так сказать, учились получать удовольствие не только от наркотиков.

В тот раз мне выпало повести группу на известный стадион «Янкис», где проходил бейсбольный матч.

Кто бывал на этом стадионе, тому не нужно рассказывать, какое чувство там охватывает любого, будь он даже далек от бейсбола: десятки тысяч болельщиков, шум, крики, атмосфера всеобщего возбуждения, азарта. Перед началом матча и в перерывах – очереди к ларькам, где продают пепси, хот-доги и пиво, причем пиво – не в маленьких стаканчиках, а в больших, пол-литровых. Не знаю, где еще в таких количествах и столь массово в Нью-Йорке пьют пиво.

Пациентам, понятно, пить пиво нельзя. Неважно, слабый напиток или крепкий. Хоть один градус алкоголя, хоть сто. Алкоголь есть алкоголь.

Все пациенты, поехавшие со мной на стадион, на этот счет были строго предупреждены еще раз. Фрида была в нашей группе.

Очутившись на стадионе, она тут же завела знакомство с двумя мужчинами лет сорока. Не успел я и глазом моргнуть, как эти двое обнимали Фриду, а в руке она держала банку пива.

На протяжении всего матча эти два кобеля уговаривали Фриду уехать с ними. Наверное, она им что-то пообещала, а они и соблазнились легким знакомством со столь миловидной девушкой. Если бы не мои строгие предупреждения, не сомневаюсь, после матча Фрида ехала бы не вместе со всеми нами в автобусе, который развозил нас по домам, а куда-то в другом направлении.

Мне тогда окончательно стало ясно, что девушка ходит по краешку, сама не понимая этого...

Я снова увидел Фриду через полгода после того, как она бросила лечение. Встреча произошла в отделении «Скорой помощи».

Фрида сидела на кровати, закутавшись в госпитальный халат. Ее знобило. Узнав меня, слабо улыбнулась. Меня смутили пятна свежих ожогов и полоски порезов на ее шее и руках.

Она рассказала, что познакомилась на улице с мужчиной, который представился биржевым брокером. Он был интеллигентный на вид, даже галантный. Погуляли по городу, затем зашли в бар, пили там пиво и что-то нюхали в уголке. Потом отправились к его друзьям... Фрида очнулась ранним утром где-то под эстакадой метро. Не помнит, что с нею происходило, и как она там оказалась. Скорее всего, вместе с пивом ей подсунули какие-то наркотические пилюли, от которых она отключилась. Одежда на ней была разорвана. Все тело болело.

Понятно, что над девушкой надругались. Но этого мало. Те, к кому она попала в руки, были еще и сексуальными извращенцами.

Посмотрев на меня, Фрида вдруг приспустила с плеч халат, и я ужаснулся – ее плечи, грудь, спина были в мелких порезах и кровавых

ожогах.

– Я знала, что со мной что-то не так с тех пор, как мне исполнилось двенадцать лет, – тихо промолвила она, опустив голову.

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

– Тогда почему же он меня трахнул? Это я виновата в том, что он захотел со мной спать.

– Кто?

– Мой сосед. Я тогда училась в школе, в седьмом классе, ему было около сорока. Я ему полностью доверяла. Он меня трахнул и потребовал к нему прийти на следующий день; пригрозил, что иначе у меня будут проблемы. Я была напугана и пришла... После этого я всегда боялась, что меня разоблачат. Боялась, боялась, боялась... Дерьмо! – заорала она вдруг. И, вскочив с кровати, набросилась на меня с кулаками.

Защищаясь, я сумел обхватить ее за плечи. Подоспели охранники. Держа Фриду за руки, повели ее к кровати.

Подошла медсестра:

– Укладывайте ее скорее! Я сейчас ей сделаю укол...

Таково лицо женской наркомании.

xxx

Позвольте, а как же любовь? Как же ухаживания, страсти, вздохи? Розы, соловьи?

Да, нужно сказать и об этом. Амур залетает и в наркологические клиники, тем более, что женщин там меньше, чем мужчин, поэтому страсти кипят сильнее.

Любовь в данном случае – это мостик вздохов, по которому галантный кавалер переводит невинную девушку на другой опасный бережок.

Преобладающее большинство женщин становятся наркоманками благодаря своим ухажерам. Мужчины знают и могут. Мужчины – это добытчики. Они знают, у кого и почему купить, как нюхать, как колоть. Поначалу они предлагают подружке испытать этот сладкий, безобидный кайфочек.

Предлагают, конечно, не из бескорыстных побуждений, отнюдь нет. У мужчины своя выгода. Хороша работающая жена, которая приносит в клювике денежку. Деньги наркоману ой, как нужны. Но работающая жена имеет серьезный недостаток: ей не нравится, что ты – весь исколотый, худой, неработающий – зачем-то часто и надолго запираешься в туалете. Такая жена вначале ворчит, потом кричит, потом угрожает разводом и, случается, врзает в дверь новый замок или уходит, забрав с собой ребенка.

Зато подруга-наркоманка – это боевой товарищ. Такая поймет. Такая не будет ни угрожать, ни орать. Такая будет помогать. С женщиной легче воровать одежду в дорогих бутиках, ее реже проверяют охранники, у нее и пальцы проворнее, чтобы срезать ярлычки с электронными кодами. Ей, начинающей, еще доверяют, значит, будут одалживать деньги. Кстати, она, преданная подруга, отдаст тебе все, что имеет, даже свои пакеты с наркотой. В большинстве случаев наркоманки хранят верность своим мужчинам, не изменяют им, все от них терпят, все им прощают.

Подругу-наркоманку, если уж совсем приперла к стенке нужда и других средств для добычи денег нет, можно предложить кому-то за деньги. Этим чаще всего и заканчивается история такой романтической любви...

Зато в наркологических клиниках кипят страсти. Женщины, с лихвой хлебнувшие разврата, арестов, избиений, – в клиниках расцветают. Мужчины за ними наперебой ухаживают. Как мы, наркологи, ни призываем пациентов к аскетическому воздержанию, все равно бесконечно возникают любовные интриги. На почве ревности вспыхивают конфликты, грозящие перерасти в драки, в настоящие побоища.

Приходят разъяренные жены: мол, мужа с таким трудом удалось

затащить к вам в клинику, чтобы он лечился, а у него, подлеца, тут любовница завелась!

Мужья поджидают в машинах неподалеку от клиник, караулят – чтобы жена не слишком увлекалась лечением, не забывала, что у нее все-таки есть семья и после сессий сразу ехала домой.

Доходит и до разводов, и побоев. Женщин-наркоманок бьют часто. Бьют мужа, бой-френды, просто *торчки*.

Героиня с пистолетом

Помню еще одну пациентку – Дилию, из латиноамериканок, даму с очень пышными статями. На психотерапевтических сессиях Дилия часто делилась с нами своим незавидным положением. Ее бой-френд и употреблял, и продавал наркотики. Завязывать не хотел, обращался с Дилией, по ее же словам, ужасно. При этом уходить из ее квартиры тоже не хотел.

Все в группе прониклись к ней сочувствием. Давали Дилии разные советы: тайно переехать в другую квартиру, либо выставить за дверь его вещи и пойти в полицию, взять Order of Protection (юридический приказ, дающий право потенциальной жертве на специальную защиту от потенциального насильника).

Разрабатывались настоящие сюжеты, как в романах: ей предлагали скрываться то у какого-то священника, то на рыболовецком корабле у знакомого капитана. Со священником и капитаном велись переговоры, Дилии готовили побег.

Дилия активно участвовала в разработке всех этих планов. Она обладала живым темпераментом, да и актерская жилка присутствовала.

Со временем, однако, это шоу всем стало надоедать: связь с бой-френдом Дилия не рвала. Когда ее спрашивали напрямую, почему же она медлит, Дилия отвечала, что боится. Ведь у него – пистолет. И сам он – из крутых и отчаянных, ни перед чем не остановится: вздумай она уйти, он

может пустить в ход пистолет.

Исход этой истории оказался самым неожиданным. Жертвой едва не стал... сам бой-френд, когда Дилия, с заряженным пистолетом в руках, выпроводила его из своей квартиры, угрожая спустить курок!

Она потом эту сцену долго разыгрывала на групповых сессиях: «Вот так держу пистолет, рука дрожит. Говорю ему: «Ах, ты, mother-fucker, вон из моего дома! Забирай свою наркоту, шприцы и все свое барахло!» Рассказывая это, Дилия вставала со стула, выходила в центр зала с поднятой дрожащей рукой, в которой держала воображаемый пистолет, и направляла его на воображаемого бой-френда. Ее большие темно-карие глаза сверкали, губы яростно кривились.

Пятнадцать пациентов в группе во все глаза смотрели на эту великую женщину.

Она – восстала! Навела на бой-френда заряженный пистолет! Нашла в себе силы и мужество. Они-то в свои силы не верили.

У-ух! Давай, Дилия! Так ему, проклятому наркоторговцу! Так ему, *барыге* и насильнику! Все восклицали и аплодировали. Аплодировали и те, кто продолжал употреблять, и даже те, кто сами продавали наркотики.

У-ух, Дилия! Давай! Так ему, *торгашу отравой!*..

Я смотрел на эту шумную публику, которая искренне радовалась победе Дилии. Конечно, я знал, что никакой сцены с пистолетом не было. Дилия однажды мне в этом призналась, по секрету. В действительности ее дружок, «этот mother-fucker», ушел от нее к другой женщине, попросту говоря, бросил Дилию. Она тяжело переживала эту измену. Но не хотела оставаться в роли жертвы, в роли покинутой женщины.

Зная правду, я все равно разрешал Дилии разыгрывать этот героический спектакль, потому что от него была психотерапевтическая польза – как для Дилии, так и для остальных пациентов.

ДРАМА В... СОРТИРЕ

Однажды вместе со мной в туалет зашел некий Вильям, долговязый парень лет тридцати. В клинику он попал по решению суда после многочисленных арестов за хранение наркотиков.

Мы о чем-то непринужденно болтали, я дал ему пластиковую баночку и...

Моя рука застывает над листом бумаги. Не знаю, нужно ли вообще говорить об этом. Тема – совершенно не литературная. Как же быть?

Эх, хорошо было поэтам и прозаикам в прошлые века, когда предметом их стихов и романов были леса и дубравы, караваны журавлей над родными полями. Розы, соловьи...

Где же вы, журавли и соловьи? Куда улетели? Неужели покинули нас навеки? Неужели настолько изменилась жизнь, что читатель больше не наслаждается трелями соловьев, не вдыхает аромат роз, а по воле автора входит, извините, в обыкновенный сортир, где ему сейчас будут рассказывать о том, как пациенты сдают мочу? О времена, о нравы! О tempora, o mores!

Пожалуй, для литературного произведения – это не тема. Искусство должно заниматься душой человека, и ничем другим.

Однако эта книга не является беллетристикой, и предмет нашего исследования – специфический. Наш главный герой – наркоман, и мы пытаемся разобраться в этом непонятном и страшном явлении – наркомании.

А токсикологический тест, или, попросту выражаясь, сдача мочи на анализ – один из важных элементов лечения наркозависимых.

Можно даже сказать так: лечение наркомана/алкоголика происходит не только в кабинете нарколога, не только на собрании «АА»/«АН», не только в церкви или синагоге, если наркоман – человек религиозный. Туалет – место не менее важное: здесь решается будущее, здесь спадают с лиц маски, тайное становится явным.

Можно даже заявить: «чистая» или «грязная» моча является показателем успеха в лечении.

Хотя все гораздо глубже и сложнее, нельзя же, извините, низводить человека, со всеми его взлетами и падениями, с его внутренней борьбой, – к столь грубой, примитивной формуле: чистая или грязная у него моча?

Но, увы, такова реальность – часто все сводится именно к этому. Что слова? Мы-то знаем, как умеют наркоманы плести словесные кружева, какие они мастера давать клятвы, толкать речи. Они уже столько раз клялись, а потом нарушали клятвы, что их словам – грош цена. Отныне мы верим только тестеру. Тестер не врет.

Существует множество типов токсикологических тестеров: в виде пластмассовых белых палочек, в виде баночек со специальной разметкой, в виде бумажки, которую кладут на язык. Результаты тестов определяются и в лабораториях, куда ежедневно из многих клиник города доставляют баночки.

Любой наркотик, между прочим, остается в моче определенное время. Скажем, алкоголь – не более 24-х часов, кокаин – трое-четверо суток, марихуана – около месяца. Наркоманы всю эту «кухню» хорошо знают, большой науки в этом нет.

Но вот в чем наука, даже мастерство – это в умении подсунуть чужую – «чистую» – мочу, в случае, если твоя – «грязная». И тут мы вступаем в таинственную область... Однако все по порядку.

Итак, мы зашли с Вильямом в сортир, я вручил ему пластиковую баночку, чтобы он туда отлил, а сам стал у него за спиной.

Подойдя к писсуару, Вильям расстегнул ширинку:

– О, булавка! Передо мной тут был какой-то мастер, – пошутил он. В наркологических клиниках Вильям не был новичком, поэтому обыкновенная металлическая булавка, лежавшая в писсуаре, ему сказала о многом.

Первое время у меня вызывали недоумение презервативы в сортирах наркологических клиник. Да-да, использованные презервативы там часто валяются на полу, в урнах, писсуарах. Сколько я ни напрягал фантазию, никак не мог взять в толк, откуда они здесь, и главное – зачем? Ведь нельзя же предположить, что в туалетах наркологических клиник с такой неслыханной

силой процветает сексуальная жизнь.

Все объясняется очень просто: в презервативах «грязные» пациенты приносят чужую «чистую» мочу. Это испытанный, проверенный способ. Подвязывают презерватив к ремню джинсов и пропускают в трусы. Затем, с баночкой в руке, повернувшись спиной к стоящему за спиной наркологу, незаметно вынимают из кармана булавку, расстегивают ширинку и протыкают презерватив. Пс-с... Потом от этого «хозяйства» избавляются, за ненадобностью.

Вот и валяются в сортирах нарколечебниц булавки и презервативы. И никакой романтикой, никаким сексом тут не пахнет.

xxx

Пациент редко признается в том, что он «грязный». Чаще всего утверждает, что «чистый», даже если это не так.

Зато какие страсти потом кипят в сортире, какие драмы, когда выясняется, что чистый – совсем не чистый, а очень даже грязный. Какие громкие речи произносятся! Вранье льется рекой: якобы и тестер неправильный, и нарколог оскорбляет своим недоверием, стоит, вражина, за спиной и заглядывает через плечо.

Сколько раз мне приходилось выслушивать от возмущенных пациентов, пытавшихся подсунуть мне чужую мочу, что я – и расист, и извращенец, и хуже полицейского (много чего нового узнавал о себе).

xxx

Токсикологический тест привносит двусмысленность и в работу нарколога. Представьте: Вы провели с пациентом сессию, беседовали с ним о серьезных, важных вещах, скажем, обсуждали его конфликт в семье. Такое

впечатление, что между вами полнейшее взаимопонимание и доверие. И вот после сессии, поблагодарив пациента за откровенность и пожав ему руку, Вы вручаете ему пластмассовую баночку: «Время пи-пи, мой друг».

И только там, в сортире, окончательно выяснится, действительно ли пациент делился с Вами наболевшим и позволил войти в свой внутренний мир. Или же попросту пудрил Вам мозги, водил какими-то огородами, вместо того, чтобы решать главный вопрос: почему он опять употреблял?

...Неразрешимую загадку задает наркологу пациент, этот сфинкс с задумчивыми, честными глазами. И всякий раз нарколог ждет ответа – не только от пациента, но и от пластиковой палочки. Появится ли сейчас на палочке тоненькая красная полоска?

И до тех пор, пока эта палочка в баночке, пока идет химическая реакция, человек – под вопросом.

xxx

Вдумайтесь на минутку: человеку не верят до тех пор, пока не опустят пластиковую палочку в баночку, куда он только что помочился. Все-таки как это унизительно!

ПОДПОЛЬНЫЙ ГОРОД

Сколько уже воды утекло с тех пор, как я вошел в мир наркологии! Вошел, как случайный прохожий, не представляя, какой совершаю шаг. Могли тогда знать, что выбрал не просто специальность, а нечто большее?

Я переехал жить в другой район Нью-Йорка, снимал неплохую квартиру возле парка. Решил продолжать учиться дальше, чтобы получить специальность психотерапевта.

Встречался с девушкой: Вика – из семьи русских иммигрантов; недавно окончила колледж и работала менеджером в дизайнерской фирме.

Чем больше я узнавал Нью-Йорк, тем больше влюблялся в этот город. Любил его туманы, обволакивающие верхушки небоскребов, летнюю стоградусную по Фаренгейту жару с майками навывпуск, осенние листопады, тенистые аллеи, океанские бухты, ветер... Нью-Йорк. Нью-Йо-о-орк!..

Но и в «столице мира» я открывал для себя еще один город, о существовании которого не подозревал. Город подпольный, не отмеченный ни на одной карте, но густонаселенный. Мой глаз то и дело замечал молодых мужчин в солнцезащитных очках, очень худых, стоящих на перекрестках, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Я видел их и в автобусах и метро, когда они пытались украсть что-то из кармана пассажира или залезть в дамскую сумочку. Они, *активные наркоманы*, работали в магазинах, такси, ресторанах.

Каждое утро суперинтендант нашего дома подметал тротуар возле подъезда. Он был удивлен, когда я сказал ему, что вот эти пустые целлофановые пакетики, которые он сметает в мусор, – из-под героина (в нашем доме, на третьем этаже, жил парень – мелкий наркоторгаш).

Я встречал своих пациентов – бывших, нынешних и будущих – в парикмахерских, барах, автомастерских. Конечно, возле ликероводочных магазинов. Я заходил с Викой в дорогой бутик на Парк-авеню и замечал там свою пациентку, которая украдкой срезает электронные бирки с дорогих рубашек. В баре неподалеку от Уолл-стрит из туалета выходил мужчина в деловом костюме биржевого брокера, подергиваясь после только что втянутой в ноздрю полоски кокаина. Разбитое правое стекло в чьей-то машине мне говорило о том, что наркоман ночью, разбив стекло, украл из бардачка навигационный прибор и обменял его на пару пакетов. Клерк на почте, оформляющий прием одной посылки чуть ли не полчаса, находился под слишком высокой дозой метадона.

Я далек от того, чтобы изображать Нью-Йорк городом наркоманов. Скорее всего, в «столице мира» их не намного больше, чем в любом другом крупном современном городе. Но мой глаз отныне выделял этот мир.

Моя очаровательная Виктория, когда мы с ней шли ко мне домой и я имел глупость делиться своими наблюдениями, заявила: «Если хочешь, чтобы я переехала к тебе жить, ищи квартиру в более приличном месте». Правда, Вика смягчила тон после того, как мы с ней прогулялись по району, в котором жила она. Этот район считался благополучным, но и там «моих друзей» (так она их называла) оказалось немало.

«ОЧНИСЬ, БРАТ!»

На одном из городских пляжей проходил ежегодный конкурс песчаной архитектуры. Мы с Викторией решили туда поехать, чтобы приятно провести выходной.

...Был нежаркий августовский день. Вместе с другими зрителями мы смотрели, как архитекторы возводят из песка крепости и дворцы. Они работали специальными лопатками и щеточками, снимая буквально лишние песчинки с колонн и мостов.

Это был настоящий город, подобный Риму, Санкт-Петербургу или Парижу.

Щелкали фотоаппараты, на архитекторов были нацелены объективы видеокамер в мобильниках.

Мне понравилась базилика с колоннами, которую возводил один парень. Бронзовый от загара, он ползал на коленях вокруг своей базилики, смахивая со лба обильно текущий пот. Его творение выделялась сложностью и утонченностью отделки. Но парень был недоволен, хмурился, сопел, сгребал локтями новые груды песка. Я почему-то опасался, что сейчас он поднимется и, психанув, растопчет со злости свое прекрасное здание...

Не дождавшись окончания конкурса, мы пошли купаться. Выбрали себе место на пляже. Вика достала из сумки полосатую подстилку и постелила ее на песке. Затем сняла платье, оставшись в черном бикини.

– Из-за этих корпоративных вечеринок за последний месяц я набрала лишние пол килограмма. Ужас! Завтра же перехожу на строгую диету, – она скрутила черные волосы сверху в узел и пошла купаться.

А я, закатав до колен джинсы, побрел вдоль кромки воды.

Вечерело, отдыхающие покидали пляж. Перед моими глазами возникли дворцы и замки того волшебного города. Все-таки, почему Бог не сделает этот мир чистым и прекрасным, – думал я, – чтобы в нем оставалась одна только Красота? Так, чтобы Красота не исчезала, не рушилась на следующий день, как разрушится тот песчаный город, а существовала вечно?..

Остановившись возле волнореза и размышляя о прекрасном, я не сводил глаз с мужчины в ношенных джинсах и красной футболке, распластавшегося неподалеку от меня. Он лежал, широко раскинув руки и ноги. Мне показалось, что я его знаю.

Я подошел к нему.

Рыжеватая короткая бородка, нечесанные русые волосы. Неужели? Не может быть!

– Питер, ты?! Вот так встреча! Я искал тебя... – наклонившись, я потряс его за плечо. – Пит! Брат!

Никакой реакции. Его лицо было неестественно белым. Рот приоткрыт, а глаза закрыты. Я стал сильнее трясти его за плечо, а затем легонько бить по щекам:

– Эй, очнись!

От моих ударов его голова дергалась в разные стороны, но он не подавал признаков жизни.

Возле его снятых старых кроссовок на песке я вдруг увидел два пустых целлофановых пакетика.

Всё ясно!

Я побежал к нашей подстилке. Там, в сумке Вики, между ее косметичкой и журналом, лежала моя брезентовая «аптечка нарколога» – со

шприцами и маской для искусственного дыхания.

– Что случилось? – спросила Вика. Она только что вышла из воды; наклонив голову, выжимала распущенные мокрые волосы.

– Передоз! Звони 911! Быстрее!

...Я опустился перед Питом на колени, собирая разборной пластиковый шприц и заправляя в него ампулу с лекарством.

Как таким шприцем впрыскивать человеку в нос лекарство и как делать искусственное дыхание в случае передоза, нас в клинике обучали не раз. Но одно дело – теория.

Сейчас мне предстояло впервые сделать это на практике. Смогу ли? Справлюсь ли? Я волновался и, в то же время, меня переполняла неведомая прежде радость от осознания того, что сейчас я совершаю поступок, перед которым меркнут все остальные поступки моей жизни.

Я вставил Питу в ноздрю пластиковый кончик шприца и стал медленно давить на поршень.

Его лицо оставалось неподвижным.

– Что же это такое? Что же это такое? – растерянно бормотал я, отбросив пустой шприц и доставая из пакета маску. Надел маску себе на лицо, чтобы сделать ему искусственное дыхание.

«Не делай этого! У него же СПИД!», – приказал мне внутренний голос...

Не знаю, сколько прошло времени, пока, наконец, раздались вой сирен подъехавших «скорой» и полиции. К нам подошли два полицейских и санитары с носилками.

– Что с ним случилось? – спросили они.

– Передоз, – ответил я.

Присев на корточки, санитар сразу надел на лицо Питера кислородную маску и включил мобильный компрессор.

– Ты его знаешь? Кто ты? Ты ему сделал укол? – допрашивал меня полицейский, пристально глядя мне в глаза так, будто я преступник. Или

наркоман.

– Я ввел ему две капсулы «Налтрексона». Но никакого эффекта. Я нарколога, работаю в госпитале в Бронксе.

Тем временем один санитар подложил Питу под голову резиновый валик, а другой сделал ему укол в руку и пытался нащупать пульс у запястья.

Возле нас собралась небольшая группа зевак.

Полицейский, надев резиновые перчатки, вытащил у Пита из карманов джинсов портмоне и мобильник.

Мне не верилось, что все это происходит на самом деле, а не в кино.

– Слишком поздно, мы ему уже не поможем, – хмуро сказал санитар, вставая. – Поймал парень свой последний кайф. F-fuck!

– Нет! Нет! Он жив! – я ринулся к Питу, стал трясти его за плечи, попытался его приподнять.

Его тело было холодным и тяжелым, голова безвольно запрокинулась, рот был по-прежнему открыт...

xxx

Ночью мы с Викой лежали в кровати.

За окном лил дождь. Меня охватило абсолютное безразличие ко всему.

Прильнув ко мне, Вика гладила мне грудь:

– Родной, сделай мне одолжение – оставь свою работу. Ты же видишь, что все бесполезно, этим людям невозможно помочь...

Окончание ознакомительного фрагмента
